

АНДРЕЙ ЛИВАДНЫЙ

ЗАРЯ НАД АРАКСОМ

Экспансия: История Галактики

Андрей Ливадный
Заря над Араксом

«Автор»

2005

Ливадный А. Л.

Заря над Араксом / А. Л. Ливадный — «Автор»,
2005 — (Экспансия: История Галактики)

3830 год. Человечество рвется к звездам. Все совершеннее становятся системы роботизированных комплексов, многие планеты уже осваиваются практически без участия людей. Мы движемся вперед, почти не оглядываясь, не замечая что за нашей спиной остаются настоящие артефакты, созданные не мифическим древним разумом, а нами...

© Ливадный А. Л., 2005

© Автор, 2005

Содержание

ПРОЛОГ	5
Часть первая	14
Глава 1	14
Глава 2	29
Глава 3	39
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Андрей Львович Ливадный

Заря над Араксом

ПРОЛОГ

2638 год по летоисчислению Земли. Борт фрегата «Гекуба»

Танец зеленых линий на экране масс-детектора был способен свести с ума.

В пространстве кипел бой – это не вызывало сомнений, к тому же система гиперсферного навигационного комплекса «Ариадна» постоянно укрупняла фрагмент аномалии, где появились и исчезали трепещущие, изменчивые нити пульсационных напряжений.

Любой навигатор знает – силовая линия аномалии *всегда* связана с реально существующим физическим объектом.

Значит, в трехмерном континууме сейчас, в данную секунду, царил настоящий содом.

...Шел тридцать второй год Галактической войны.

Лейтенант Иверзев мог при желании сосчитать по пальцам количество людей, входящих в экипаж десантного фрегата «Гекуба». Их было пятеро. Остальное – машины.

Одни кибермеханизмы несли вахту на постах, другие обслуживали системы фрегата, третьи, в ожидании своего часа, возвышались в парковочных ангарах предстартовых накопителей – идеальные боевые машины, не знающие усталости, боли, страха, преданные лишь четко определенным программным целям своего существования.

Смыслом их бытия являлась война.

Порой Иверзеву казалось, что он медленно сходит с ума.

Ему было страшно. Страшно и одиноко.

Пятый год... Он уже наизусть знал каждую царапину на приборных панелях, ему давно опостылел въевшийся в разум, медленно пожирающий его танец тонких вездесущих зеленых линий.

Он устал от пустоты, как внутренней, так и внешней.

Казалось, что это никогда не закончится.

...Он с трудом оторвал взгляд от полусферы масс-детектора, быстро пробежав пальцами по текстоглифным клавишам, шифрующим последовательности команд.

Идентификация точки пространства.

На информационном экране возникла приевшаяся до тошноты надпись:

Ждите.

Наконец внутри многочисленных приборных панелей раздался мелодичный тоновый сигнал.

Точка пространства идентифицирована. В данном районе дислоцирована станция ВПК.

Далее шли технические характеристики автоматического завода – пятидесятикилометровой многоуровневой сферы, – настоящей искусственной планеты, где из поставляемого грузовыми кораблями сырья изготавливались секции бронеплит обшивки для строящихся кораблей флота.

Еще один электронно-механический мир, работающий исключительно на войну.

Проклятие...

Они не могут пройти мимо. Станция являлась одним из важнейших стратегических объектов данного сектора.

Палец Иверзева на мгновение застыл, прежде чем коснуться сенсора интеркома.

Принятие решения. Последнее право, которое еще не отняли у людей вездесущие машины. Порой в такие секунды к горлу подкатывал горячий, удушливый ком и хотелось не то расхохотаться, не то зарыдать в истерике – разве это *право*? Разве он может *не доложить*? Или случится чудо: командир корабля, выслушав сообщение, не примет заранее известное решение?

– Навигационная рубка вызывает командный пост.

– Командный на связи.

– Система «Ариадна» фиксирует пульсационные напряжения аномалии. Район идентифицирован как точка дислокации шестнадцатой станции ВПК.

– Идет бой?

– Однозначно. По данным масс-детекторов, в трехмерном континууме маневрируют как минимум три крупнотоннажные боевые единицы.

– Класс?

– Невозможно определить. Но думаю, это штурмовые корветы Флота Колоний.

– Так «невозможно определить» или «корветы»?! – резко переспросил капитан «Гекубы».

Иверзев не ответил. Как объяснить свое интуитивное понимание, которого нет ни у одного автоматического локационного комплекса? Он столько времени провел за монитором масс-детектора, что стал своего рода провидцем. Не станешь же докладывать о тонких, едва приметных завитках, видимых лишь при максимальном увеличении. Иверзев *знал* – именно так отражается в структуре аномалии работа плазменных двигателей, а по спирали подобные установки расположены лишь у штурмовых корветов Флота Колоний.

Парадокс – все они измотаны глобальным чувством одиночества, ощущением собственной ничтожности перед бездной космического пространства, но тем не менее тихо ненавидят друг друга...

– Это корветы, – с усталым равнодушием, которое всегда накатывало, как ледяная волна, в ожидании неизбежного боя, ответил Иверзев. В таком состоянии он вполне мог послать командира куда подальше. Хуже все равно не будет.

Мог, но не послал.

Надежда. Почему она не покидает измученный войной рассудок? *На что я надеюсь?*

– Перевести секции гипердрайва в режим экстренного всплытия! Иверзев, твоя задача: найти безопасную точку гиперперехода с таким расчетом, чтобы станция оказалась в радиусе досягаемости для аэрокосмических истребителей и десантно-штурмовых модулей.

– Есть, сэр.

Командир десантного фрегата «Гекуба» капитан Френк Хуберт до недавнего времени являлся старшим оператором оружейно-ракетного комплекса «Прайд». Он служил на крейсере класса «Интерпрайз», но война, продолжавшаяся уже четвертое десятилетие подряд, вконец обескровила Землю и ее союзников по Альянсу, быстро превращая недавних выпускников военно-космических школ в старших офицеров, командующих огромными кораблями флота.

Люди не возвращались. После ожесточенных боев с набирающими силу и мощь колониями «в живых» оставались в основном машины. Их латали и снова бросали в бой.

Карьера.

Как он мечтал о ней, начиная службу на флоте.

Думал ли он, что на вершине карьерных амбиций его уделом станет простое нажатие клавиш с текстоглифными обозначениями команд для электронных систем корабля? Война людей постепенно переросла в войну машин, но разве возможно остановить ее маховик, раскрученный до немыслимой скорости?

Все они начали прозревать, но слишком медленно и поздно.

Если он погибнет сегодня, будет ли в его смерти хоть капля смысла?

Информационные экраны тактических систем управления один за другим высветили сигналы готовности.

Они всплывали из пучин гиперсферы, чтобы оказать помощь автоматическому заводу-станции, подвергнутому массовой атаке со стороны вражеского флота.

Интересно, на борту штурмовых корветов колоний есть хотя бы один человек? – невольно подумал Хуберт.

Френк затруднялся ответить на данный вопрос.

Впрочем, в следующую минуту ему стало не до размышлений на отвлеченную тему.

Секции телескопического обзора наполнились иной чернотой: непроглядная тьма гиперсферы истончилась, исчезла, вместо нее появилась бездна, сияющая мириадами холодных звезд, а на их фоне явственно проступили очертания космической станции, озаренной неистовыми, шквалистыми вспышками.

У капитана не оставалось никаких сомнений относительно происходящего; как опытный офицер, долгое время занимавший кресло старшего оператора комплекса «Прайд», он в первые же мгновения четко *ощутил* ритмику полыхающего в пространстве боя.

Станция защищалась, работали все батареи противокосмических орудий видимой полусферы; три штурмовых фрегата Флота Колоний, выстроившись кильватерной колонной, шли на сближение с целью, прорываясь сквозь плотный заградительный огонь, чтобы выпустить из своего чрева десятки десантных модулей.

Касания текстоглифных клавиш мгновенно побудили к действию соответствующие системы фрегата.

Капитан лишь краем глаза следил за возникающими на тактических информках строками сообщений:

Орудийные палубы – беглый огонь. Автоматическое распределение целей.

Стартовые катапульты левого борта – десятисекундный отсчет.

Навигационный комплекс «Антарес» – расчет маневра сближения со станцией на средней тяге двигателей.

Генераторы радио/оптических помех – мощность 100 процентов.

Система отстрела дипольных отражателей – активирована.

Система отстрела ИК-ловушек – активирована.

Системы генераторов магнитного противоплазменного щита – мощность 100 процентов.

Ну, вот теперь мы готовы. Молитесь, если успеете.

* * *

Космическое сражение на коротких дистанциях – явление редкое. Обычно группы кораблей маневрируют на удалении от одной до десяти световых секунд друг от друга, стараясь повредить либо уничтожить противника посредством тяжелого бортового вооружения. Этот этап, в зависимости от обстоятельств, может измеряться сутками бортового времени, и, лишь получив очевидный перевес, корабли одной из сторон начинают массированную атаку: в первой волне идут снабженные гипердрайвом аэрокосмические штурмовики под прикрытием истребителей, далее следует волна десантных модулей, атакующих те корабли противника, у которых повреждены секции гипердрайва.

Так рекомендуют действовать тактические наставления, однако в данном случае все складывалось иначе. Покинув гиперсферу в непосредственной близости от зоны боевых действий, фрегат «Гекуба» неожиданно возник за кормой трех штурмовых корветов Флота Колоний.

Находясь в выгодной позиции, фрегат начал сближение со станцией, следуя рыскающим курсом, что позволяло ему поочередно отрабатывать по противнику всеми орудийно-лазерными и ракетными комплексами.

В первые минуты после вступления в бой действия «Гекубы» были столь удачны, что, не получив ни одного повреждения, корабль сумел полностью вывести из строя двигавшийся в арьергарде корвет.

Затем возникли внезапные, непредсказуемые проблемы.

Фрегат постоянно оповещал автоматические устройства станции о своей принадлежности к силам ВКС Альянса, однако это не уберегло «Гекубу» от «дружественного» огня – один из ракетных залпов противокосмических батарей станции угодил в район предстартового накопителя, повредив штурмовой носитель класса «Нибелунг».

Несмотря на это, фрегат продолжал развивать атаку.

Френк Хуберт ни на секунду не отрывался от тактических информационных экранов.

Масса обломков, образовавшаяся после гибели замыкавшего строй корвета, мешала маневрировать, заставляя на время выйти за пределы атакующего конуса.

– Сэр, головной корвет вышел на критическую дистанцию до цели! – раздался доклад по громкой связи. – Они выпустили десантно-штурмовые модули!

Это было плохо. Очень плохо. На станции не имелось адекватных средств противодействия для подавления высадки кибермеханизмов, целью которых являлся прорыв к силовой установке.

Палец Хуберта коснулся очередного текстоглифа, но в ответ он получил лишь раздражительно моргающую надпись:

Десантирование подразделения серв-машин невозможно. Штурмовой носитель поврежден.

Фрайг! Проклятая кибернетика! Если высадившиеся на поверхность станции десантные группы противника не будут немедленно уничтожены и сумеют проникнуть внутрь объекта, последствия станут губительными для обеих сторон: взрыв силовой установки не оставит ни единого шанса на спасение – против обломков, выброшенных в космос ядерным взрывом, не уберегут никакие генераторы электромагнитного поля...

Для примитивных боевых механизмов, высадившихся на поверхность станции, факт собственного разрушения не играл никакой роли – они выполняют задачу, не считаясь с потерями и последствиями.

Единственным «слабым звеном» в данном противостоянии являлись люди – пять человек, составляющих экипаж «Гекубы».

В отличие от механизмов, для них исход боя исчислялся не цифрами нанесенного ущерба.

Инстинкт самосохранения оперировал лишь одной ценностью, одним понятием – жизнь.

Френк развернулся к резервному терминалу, откуда можно было ввести нестандартную командную последовательность.

Минуту спустя его лихорадочные усилия увенчались успехом: соединение серв-машин получило приказ на десантирование через грузовой вакуум-створ, обычно использующийся для загрузки бортового боекомплекта. Сближаться со станцией они должны, используя собственные двигатели реактивной тяги.

На лбу Хуберта выступили мелкие капельки холодного пота.

Если успеют...

Он с замиранием сердца следил за исчезающими среди хаоса обломков точками, уже не уделяя внимания действиям остальной автоматики, которая к этому времени успешно вернула корабль в конус атаки и мощным бортовым залпом отработала по выпустившему десант штурмовому фрегату.

Пиррова победа...

Крупные фрагменты вражеского корабля сохранили скорость и траекторию, они продолжали сближаться с обшивкой станции, пока не врезались в нее, проломив внешний слой бронеплит.

Все. Это конец.

Проломы в обшивке, окруженные мутными облаками декомпрессионных выбросов, в ближайшие минуты послужат торной дорогой для десантных сервомеханизмов, у которых теперь появился путь для быстрого проникновения в недра станции.

– Иверзев?

– Да, капитан?

– Принимай управление. Делай что хочешь, но если мы в ближайшие пять минут не уйдем в гиперсферу, фрегату конец. Десант проник на борт станции. Они взорвут главную силовую установку.

Он не успел.

Гиперпространственный переход состоялся несколькими секундами после того, как грянул взрыв реактора станции.

Это было похоже на ад.

Аномалия не прощает таких погружений.

Энергия атомного взрыва, настигшая фрегат за мгновение до погружения, ворвалась вместе с ним в пространство гиперсферы, не только изувечив корабль, но и сбив тонкую настройку генераторов высокой частоты.

У Иверзева потемнело в глазах, когда он увидел, как в полусфере масс-детектора растет, укрупняясь, вертикаль гиперсферы.

Жить.

Я хочу жить!..

Визг сминаемых переборок, зловещий свист декомпрессии, чудовищной силы удар, судорогой прокатившийся по палубам фрегата, – все это воспринималось лишь краем сознания, казалось ничтожным по сравнению с вертикальной линией напряжения, в которую неумолимо затягивало потерявший управление корабль.

Любому школьнику известно, что по мере погружения в аномалию космоса растет напряженность сопутствующего силового поля, которое в конечном итоге разлагает на элементарные частицы любой материальный объект.

Нет ни защиты, ни способа, ведущего к спасению.

Мрак.

Всеобъемлющий мрак на экранах.

Они погружались в режиме слепого рывка вдоль вертикали.

В понимании Иверзева это была верная смерть.

* * *

Цепная реакция декомпрессии отсеков не докатилась до навигационной рубки – где-то вовремя сработала аварийная автоматика, изолировав сохранившие герметичность отсеки от поврежденных.

Иверзев, у которого не осталось времени, чтобы облачиться в скафандр, вскочил, рванувшись к нише с прозрачными створками, где хранилась гермоэкипировка, но вдруг остановился, подумав: есть ли смысл?

Они погружались в пучину гиперсферы, туда, откуда не вернулся ни один автоматический корабль-разведчик. Вертикаль аномалии космоса необъяснимым образом приняла повре-

жденный фрегат, и Иверзев все отчетливее понимал: «Гекуба» в данный момент скользит *внутри* мощнейшего энергетического потока, но, несмотря на это обстоятельство, он не ощущал признаков дальнейшего разрушения корпуса. Судя по показаниям приборов, все повреждения, с которыми боролась автоматика, были получены еще в трехмерном континууме, в момент взрыва силовой установки станции.

Он медленно опустился в кресло.

Вопреки теории гиперсферы, стремительное погружение *внутри* вертикальной линии напряжения не сопровождалось губительными для корабля последствиями.

Иверзев не понимал, что происходит. Он даже не мог определить, на каком энергетическом уровне аномалии находится фрегат, все данные, отражающие структуру гиперсферы, необъяснимым образом исчезли – полусфера масс-детектора была засвечена равномерным зеленоватым сиянием, в то время как обзорные экраны демонстрировали непроглядный мрак.

Этого не может быть. Что-то должно произойти...

Он не ошибся в своем предчувствии.

Произошло *невероятное*.

Экраны телескопического обзора внезапно просветлели, передавая *изображение*.

Иверзев успел отчетливо рассмотреть источающий холодный свет энергетический сгусток, вокруг которого обращалось ожерелье из восьми или девяти планет.

Зрелище оказалось настолько неожиданным, настолько потрясающим, что он не успел ничего предпринять – телескопический обзор включился всего на десять-пятнадцать секунд, затем экраны начали гаснуть, как будто у них внезапно иссякло питание.

Мгновенные сумасшедшие переходы от отчаяния к надежде и обратно воздействовали на рассудок лейтенанта самым непредсказуемым образом.

Он был жив. Жив вопреки всему, но гаснущие экраны, полное отсутствие связи с другими палубами фрегата и картина, проявившаяся в полусфере масс-детектора, перечеркивали вспыхнувшую с новой неистовой силой надежду на спасение.

Корабль терял энергию.

Приборы гиперсферной навигации показывали, что вокруг нет ни одной горизонтальной линии напряжения, только вертикали.

Разумом он понимал: влекомый энергетическим потоком вертикали фрегат проскочил все уровни гиперсферы, оказавшись в самом центре аномалии, где, вероятно, не бывал еще ни один человек.

В опустевшем рассудке осталась единственная мысль: нужно что-то делать, пока непонятная сила не вычерпала из накопителей силовой установки последние эрги.

Если сюда их привела вертикаль, то, возможно, подобная линия напряжения сможет вытащить корабль из этого жуткого пространства?

Не с кем было посоветоваться.

Он принимал последнее решение на свой страх и риск, понимая, что по большому счету терять уже нечего.

Дождавшись, когда ближайшая вертикаль выйдет точно в центр экрана масс-детектора, он включил низкочастотные генераторы гипердрайва.

Ощутимый рывок, дрожь в переборках и...

Под сводом отсека зажглось тусклое аварийное освещение.

Потеря энергии прекратилась, очередная вертикаль поглотила корабль и теперь влекла его в неизвестность.

Иверзеву оставалось лишь неистово надеяться, что на этот раз они не погружаются в пучины аномалии, а всплывают.

* * *

Немногие электронные системы корабля, не утратившие своих функций в результате катастрофического погружения и наступившего вслед за этим резкого перепада напряжения, продолжали бесстрастно фиксировать все немислимые превращения, которые претерпевал фрегат.

Главная кибернетическая система была разрушена, к моменту включения генераторов низкой частоты утрата централизованного управления привела к активации автономных программ. Виртуальная сеть «Гекубы» распалась на отдельные компоненты, теперь каждый механизм или исполнительная система действовали в аварийном режиме, сообразуясь с доступной информацией и изначально заложенными инструкциями.

В живых на борту фрегата остался только лейтенант Иверзев.

Он был изолирован в навигационной рубке, каналы внутренней связи не работали, и это обстоятельство избавило его от многих ужасающих картин.

Он не видел, как плавают в невесомости тело капитана, не мог наблюдать искореженные, потерявшие прочность, светящиеся от вторичной радиоактивности коммуникации фрегата, не воспринимал, как в районе предстартового накопителя аварийные приводы открывают ангары боевой планетарной техники и сервомеханизмы, включившиеся в автономный режим, выстраиваются перед десантными шлюзами.

Для них не произошло ничего сверхъестественного, боевые машины по большей части уцелели и были готовы исполнить предназначенную им функцию – уничтожить живую силу и технику противника, захватывать новые территории, штурмовать объекты инфраструктуры колоний.

Им было абсолютно неважно, что искалеченный фрегат, пройдя через центр аномалии, продолжал слепой рывок, осуществляя восхождение по произвольно избранной лейтенантом Иверзевым вертикали.

Только он понимал, что подобный рывок приведет «Гекубу» в не поддающуюся точному исчислению точку пространства, – если кораблю суждено покинуть гиперсферу, то, вероятнее всего, он выйдет в трехмерный космос на удалении в сотни, если не тысячи световых лет от злополучной станции.

Лейтенант ждал решения своей судьбы, находясь в полном неведении.

Как он мог знать или предположить, что человечеству понадобится больше тысячи лет, чтобы открыть уникальные свойства вертикалей и повторить спонтанный маневр фрегата «Гекуба»?

Он хотел одного – жить, до остального ему не было никакого дела.

Неистойой надежде Иверзева суждено было сбыться лишь наполовину – гиперсфера действительно отпустила корабль, возвращая заблудившееся в недрах аномалии материальное тело в метрику трехмерного пространства, но...

Это произошло не в космосе, а в границах планетарной атмосферы!

Последним, что запечатлел рассудок лейтенанта Иверзева, был вид огромного города, выстроенного по характерной, безошибочно узнаваемой типовой схеме, присущей всем колониям периода Великого Исхода: на равнине, граничащей с побережьем лазурного океана, возвышался возведенный механизмами колониального транспорта исполинский цокольный этаж,¹ на поверхности которого высились жилые кварталы зарождающегося мегаполиса.

¹ Цокольный этаж – типовое защитное сооружение, как правило, возводимое на месте посадки колониального транспорта кибернетическими механизмами, еще до пробуждения основного состава колонистов. Все корабли, покидавшие Землю в период так называемого Великого Исхода, несли на своем борту оборудование, механизмы и материалы для строительства

Он хотел закричать от радости, но не смог – его сознание навек погасил жестокий удар.

Фрегат «Гекуба» врезался в поверхность неизвестной планеты. Вздывая десятки тонн почвы, он распался на несколько неравных частей, каждая из которых начала самостоятельное движение. Со стороны казалось, что на равнине, недалеко от побережья, вдруг началось извержение вулкана, – окрестности вмиг застило плотными облаками пыли, к которой примешивался дым, тлеющие комья почвы, перемешанные с раскаленными кусками обшивки и обезображенными фрагментами механизмов, разлетались на десятки километров от трех воронок, образовавшихся на месте катастрофического падения фрегата...

...Прошли сутки, прежде чем плотные облака дыма и пыли начали понемногу рассеиваться, обнажая покрытые пеплом отлогие скаты исполинских воронок, на дне которых среди уродливых обломков можно было заметить движение.

Это перемещались немногие пережившие катастрофу боевые сервомеханизмы.

Никто не отменял их программ.

Утратив единый командный центр, они были готовы к реализации своих функций в автономном режиме, тем более что уцелевшие сканеры машин фиксировали четко распознаваемую инфраструктуру укрепленных вражеских позиций.

Побережье. Неподалеку от места крушения фрегата «Гекуба». Тысячелетие спустя

Он часто приходил сюда на закате, когда солнце кровавой каплей медленно стекало за линию горизонта, окрашивая поверхность океана в багряные тона.

Крупный желтый песок пляжа казался в такие часы сиреневым, на его фоне ярко выделялись рыжеватые от покрывавших их окислов, полузасыпанные прибрежными барханами корпуса его менее удачливых собратьев.

Иные чувства.

Людам никогда не понять, что испытывал он, застыв будто изваяние на гребне песчаного холма. Прощальные лучи солнца, отражаясь от кучевых облаков, окрашивали его броню в опалесцирующие тона. Притихшая природа, казалось, чего-то ждет, даже ветер ненадолго успокаивался, не тревожа мелкой рябью зеркальную гладь воды, по которой медленно перекачивались пологие, ленивые волны.

Он размышлял.

О себе, о людях, о машинах – тех, кто нашел свою уникальную нишу в огромном враждебном мире, и о тех, кто не состоялся как *сила* и теперь медленно ржавел под зыбким, сыпучим саваном песка...

Он видел красоту, зловещую красоту гармонии, недоступную пониманию большинства современников. Ему казалось, что на этом берегу у кромки воды, среди дряхлых эндоостовов древних механизмов, сходятся пространство и время...

Люди звали его Отшельником.

Ныне живущее поколение не помнило его истинного облика, отражающего настоящую сущность: когда-то он являлся человекоподобным механизмом серии «Хьюго-БД12», но века борьбы за существование заставили его сменить несколько механических оболочек.

Сейчас над прибрежными дюнами возвышался контур серв-машины класса «Хоплит». Отшельник сам восстановил этот корпус, отыскав его среди напитанных металлом рыжих песчаных осыпей, где покоились останки десятка подобных механизмов.

Когда-то он принимал участие в битве, состоявшейся тут, на берегу океана, но об этом уже никто не помнил – в отличие от машин, люди живут недолго, и уже через два поколения никто не ассоциировал одинокого «Хоплита» с термином «враг».

Вообще, люди – странные существа. Они – уникальный вид, умеющий приспособиться к любым, самым невыносимым условиям существования. Их главная особенность скрыта в алогичности многих поступков и выборов – например, испытывая стойкую неприязнь к механическим формам, они тем не менее могут спокойно перешагнуть через вековые традиции, заставить замолчать свои чувства и обратиться к машинам за помощью. Или, напротив, презрев все сделанное для них, внезапно напасть в непонятном приступе враждебности.

И то и другое казалось Отшельнику как минимум странным. Он уже давно не был рабом примитивной логики, но приобретенная вместе с вековым опытом способность к абстрактному мышлению не могла помочь в понимании человеческих поступков.

Стремления людей казались ему суетой. Возможно, они так спешат, часто и круто меняя решения, взгляды, позиции, из-за несовершенства собственных тел, которые не подлежат восстановлению или ремонту? У людей есть один огромный недостаток – вместе с телом всегда погибает личность. А биологические носители недолговечны, уязвимы – вот им и приходится спешить, чтобы вместить многое в короткие отрезки времени.

Впрочем, у каждой мыслящей формы есть свои преимущества и недостатки. Отшельнику потребовались века, чтобы познать реальность в той степени, как познает ее человеческий ребенок за несколько лет жизни. Он не мог с точностью определить, что лучше – растянутое на столетия взросление или быстрый взлет, за которым неизбежно ждет падение в пропасть небытия?

...Он стоял на вершине песчаного холма, неотрывно глядя, как набирают силу краски заката.

Сегодня он ожидал вновь услышать далекие голоса, исходящие, по его внутреннему ощущению, из той бездны, откуда много столетий назад пришел он сам.

Машине несвойственны галлюцинации, поэтому он относился к голосам со всей серьезностью. Шепот вечности обжигал рассудок, он был горяч, как пламенный шар уходящей на покой звезды.

Голоса не звали его, не просили, не требовали – они просто пронеслись мимо, задевая чуткие сенсоры, внося явный диссонанс в систему устоявшегося мировоззрения.

Он слышал их, но не понимал сути обрывочных посланий.

Локальные возмущения гравитационного поля возникали в разных местах, порождая медленно гаснущие источники сигнала.

Несколько месяцев он следил за интригующими явлениями, пока не определил конкретный участок, где аномалии проявляли себя наиболее часто и сильно.

Сейчас он стоял в сотне метров от вычисленной окружности и ждал – возможно, сегодня ему удастся наконец поймать смысл обрывочных фраз, связать их воедино, и тогда он получит ответ на вопрос о природе их появления.

Вместо голосов он услышал шаги.

Вернее сказать, не услышал, а ощутил – сейсмодатчики обнаружили двух незваных гостей раньше, чем чуткие микрофоны передали шелест осыпающегося песка.

Шли двое – сервоид и человек.

Такое соседство настораживало, и Отшельник был вынужден прервать созерцательное ожидание, повернувшись в ту сторону, откуда приближались незваные гости.

Часть первая ЛИНИИ СУДЬБЫ

Глава 1

Колония планеты Треул. Одно из молодых корпоративных поселений Окраины

Метель укрывала следы, занося их снегом. Разведывательный корабль остался далеко позади, выше уровня облаков, на небольшой площадке, среди сверкающих горных пиков.

Отряд продвигался быстро и уверенно. Десять существ, издали похожих на гуманоидов, облаченных в странные, с точки зрения человеческих технологий, скафандры, не обращали внимания на разыгравшуюся непогоду. Метель скрадывала контуры их фигур, превращая в смутные тени, бесшумно, словно призраки, скользящие по коварному леднику, зажатому меж обрывистых стен ущелья.

...Тысячью метров ниже, где ледник обрывался на четкой границе, образованной сплошным нагромождением каменных глыб, снег уже не шел, здесь моросил дождь, и, перекрывая его монотонный шум, звонко перекликались весенние ручейки, берущие начало где-то в недрах ледовых масс.

Люди недавно приступили к освоению Треула. Пока что в долинах предгорий базировалось несколько геологоразведочных партий да велось первоначальное строительство: выравнивались площадки и закладывались огромные фундаменты для существующих в стадии проекта рудодобывающих комплексов.

Обычная картина для молодой колонии, куда пришли первопроходцы из стремительно развивающейся корпорации «Спейсстоун», чье название в дословном переводе с интеранглийского означало «космический камень».

Корпорация действительно могла считать себя молодой, ее деятельность на Окраине началась всего лишь два десятилетия назад и не шла ни в какое сравнение с такими титанами, пережившими века развития, как «Эхо», «Генезис» или «Ифосистемз».

Однако у молодости есть ряд неоспоримых преимуществ. Не отягченные грузом вековых интриг, не имеющие за плечами тяжелого опыта корпоративных войн, руководители новой промышленной группы смело внедряли ультрасовременные технологии, добиваясь успеха там, где потерпели фиаско их могучие, но консервативные конкуренты.

Делая ставку на роботизированные комплексы, корпорация одновременно вела разведку и первичное строительство сразу в нескольких звездных системах, на естественные ресурсы которых из-за неблагоприятных условий биосфер не претендовали другие, более осторожные промышленные гиганты.

Здесь нужно учитывать специфику Окраины. Трудный быт первых поколений колонистов, постоянные локальные войны между пятью основными промышленными группами, исторически контролировавшими данный район космического пространства, выработали определенные традиции, выраженные в своеобразных понятиях целесообразности. Прежде чем приступить к колонизации той или иной планеты, ее рассматривали с различных точек зрения, оценивая не только количественный и качественный состав естественных ресурсов, степень агрессивности или благоприятствования исконной биосферы, но и скрупулезно изучали тактическое расположение конкретной звезды, причем система привязки таких оценок опиралась в первую очередь на негласно установленные границы сфер влияния и жизненных интересов могучих корпораций.

«Спейсстоун» начинал практически с нуля, когда все удобные, благоприятные и доступные планеты были зарезервированы негласными соглашениями между ведущими корпорациями сектора, но это не смутило молодых руководителей новоявленной промышленной группы. Их сила опиралась на иные столпы: не связанные консерватизмом, не обремененные преемственностью поколений, они делали ставку исключительно на машины, обходясь минимумом персонала за счет широкого привлечения мнемоников,² и нужно сказать, что такая стратегия оказалась выигрышной, она не только позволила новому игроку прочно занять свое место на богатейшем в плане естественных ресурсов поле Окраины, но и быстро продвинуться к вершинам корпоративной иерархии.

К старому как мир понятию о том, что деньги должны делать деньги, они добавили еще несколько принципов, главный из которых гласил: машины должны воспроизводиться самими машинами. На практике это выглядело весьма убедительно. В любой взятый к рассмотрению гипотетический мир, свободный от притязаний других корпораций, осуществлял посадку не колониальный транспорт с людьми, а базовый корабль, на борту которого имелись небольшие, но эффективные линии производства для создания кибернетических механизмов. Как правило, таким «модулем освоения» руководил кибернетический мозг, который контролировался немногочисленным экипажем, в основном мнемониками, имеющими, помимо своих уникальных способностей, два-три специальных образования, что превращало их в универсальных специалистов.

Разведка перспективных в плане полезных ископаемых регионов планеты давала ответ на конкретные вопросы о численном составе и специализации машин, необходимых для быстрой и эффективной разработки месторождений.

Затем наступала первая фаза колонизации. Автоматические рудодобывающие комплексы приступали к добыче необходимого сырья, одновременно на базовом корабле запускались в работу линии по производству кибернетических механизмов, и вот уже первые машины начинали создавать себе подобных, процесс стремительно ширился в геометрической прогрессии: не знающие усталости, не теряющие времени на сон, не обращающие внимания на условия окружающей среды кибернетические системы осуществляли разведку, строительство и первичное терраформирование участков поверхности, где в ближайшем будущем предполагалось компактное проживание людей.

При этом парк геологоразведочной и планетопреобразующей техники постоянно расширялся за счет новых производств, созданных уже на планетной тверди и пользующихся естественными ресурсами колонизируемого мира. Таким образом, один корабль спустя два-три стандартных месяца после посадки превращался в центр огромного автономного роботизированного комплекса, не нуждающегося в поставках материалов, имеющего собственную ремонтно-техническую базу, фактически не испытывающего прессинга враждебной для человека биосферы.

Спустя год, как правило, заканчивался первый цикл строительства, и новоявленная колония начинала окупать себя, выдавая на-гора партии обогащенных полезных ископаемых.

Дальнейшее развитие проходило по той же схеме, но теперь ставки на немедленную прибыль и перспективное развитие распределялись в равных пропорциях, появлялось большое количество строительных и планетопреобразующих механизмов, которые приступали к этапу активного терраформирования. Корпорация «Спейсстоун» использовала самые передовые технологии, позволяющие основывать поселения на любых мирах.

² *Мнемоники* – люди, прошедшие дополнительную имплантацию кибернетических модулей, позволяющих контролировать большие группы механизмов, управлять ими, используя интерфейс мысленных команд. Впервые появились на корпоративной Окраине. Воспитывались в специальных школах. Первоначально задачей мнемоников являлась защита информационных потоков от несанкционированного доступа.

При помощи эмиттеров суспензорного поля³ строительные кибермеханизмы изолировали определенные площади от окружающей среды планеты, формируя под колпаком защиты собственный микроклимат. Одновременно с этим возводились здания, совершенно не похожие на типовые бараки, с которых начиналась любая из «старых» колоний. Под защитой суспензорного поля усилиями механических строительных бригад создавались опрятные комфортные поселения. К этому времени некоторые производства перепрофилировались на выпуск бытовых машин и различной техники, без которой уже не мыслилась комфортная жизнь человека.

Спустя два-три года (в зависимости от условий конкретного мира) колония была готова принять первых поселенцев. Обычно ими являлись сотрудники корпорации, прибывавшие в колонию вместе с семьями.

...На Треуле к приходу весны закончилась первая фаза комплексного строительства.

Людей в колонии по-прежнему можно было сосчитать по пальцам, всюду, не смущаясь соседством с дикой, необузданной природой планеты, царили кибернетические механизмы различных форм и специализаций.

Все развивалось в строгом соответствии с графиком проводимых работ.

Даже весна, не капризная, пришла в срок, точно спрогнозированный кибернетическим центром информации и связи, занимающим целый этаж в недавно возведенном планетном офисе корпорации «Спейсстоун».

...Даша Лоури, устало помассировав веки, открыла глаза.

В последний месяц ей приходилось выдерживать большие нагрузки. Популяция кибернетических механизмов исчислялась уже не сотнями, а тысячами автономных единиц, и по инструкции в офисах мнемонического отдела должны были нести вахту как минимум два десятка специалистов ее профиля, но, пока не прибыл очередной корабль с Аллора, она в периоды дежурства единолично контролировала глобальную сеть.

В принципе нагрузки можно было снизить, доверившись координационно-управляющей системе, но Даша, как любой мнемоник, воспитанный в учебных центрах корпорации, на подсознательном уровне не доверяла машинам. Это качество прививалось в течение всего процесса обучения и имело под собой вполне конкретную, оправданную почву. Любую самую надежную, высококласную машину необходимо периодически контролировать, проверять, и делать это должен человек. В век высочайших технологий функционирование многих кибернетических систем протекает на зыбкой грани фола, ибо в их структуре присутствуют не только программы независимого поведения, но и аппаратные средства для их реализации. Говоря проще, большинство кибермеханизмов наделено искусственными нейросетями, которые позволяют машинам адекватно реагировать на различные часто возникающие нестандартные ситуации. Однако, помимо явных преимуществ, наличие нейросетей – это палка о двух концах.

³ *Суспензорное поле*. – В отличие от иных видов энергетической защиты, электромагнитная суспензия активно взаимодействует с окружающим веществом. В идеале для ее работы подходит любая газообразная среда. Прототипом для создания суспензорного поля являлись древние разработки, предполагавшие установку на космических кораблях специальных электромагнитных улавливателей, предназначенных для сбора разреженного межзвездного газа, который в дальнейшем использовался в качестве активного вещества для силовых установок. После открытия феномена гиперсферы данная технология утратила свою актуальность – изменился сам принцип перемещения космических кораблей. Однако спустя века о ней вспомнили в связи с разработкой аварийных защитных систем, в частности, речь шла о средствах борьбы с декомпрессией отсеков. В итоге было запатентовано и воплощено на практике несколько систем, использующих один и тот же принцип: газ или иная взвесь вещества (широко известна практика использования пыли на безвоздушных мирах), попадая в зону действия магнитного поля, излучаемого эмиттером, уплотняется до такой степени, что между отдельными молекулами (либо частицами вещества) возникают насильственные взаимосвязи. В результате получается пленка, способная выдержать давление в несколько атмосфер. Первые устройства суспензорной защиты появились на космических кораблях к финалу Галактической войны. Позже, с развитием нанотехнологий, возникли различные модификации суспензорной защиты, использующие два типа эмиттеров – основной и вспомогательный, которые благодаря своим микроскопическим размерам внедряются непосредственно в структуру защитного поля, позволяя гибко настраивать его режимы и пространственную конфигурацию (например, это необходимо для формирования локальных проходов в защитном поле).

Даша Лоури являлась мнемоником пятого уровня и отлично понимала, что многие из окружающих ее машин по потенциалу своего саморазвития в десятки, если не в сотни раз обогнали знаменитых приматов Прокуса, достигших промежуточного уровня между обезьяной и первобытным человеком.

Кибермеханизмы воспринимались ею как нечто неодухотворенное, но способное, при определенных условиях, внезапно осознать факт собственного бытия. Такие сбои были хорошо известны, исключить их вообще являлось сверхзадачей даже для мнемоника, но в ее силах было свести процент подобных неполадок, влекущих за собой непредсказуемые последствия, к допустимому минимуму.

Это не сделает ни один кибернетический мозг, потому что опасные симптомы не всегда явны, а распознавать их необходимо в зародыше. Такое под силу только человеку, способному благодаря имплантированным кибермодулям входить в виртуальное пространство сети и *ощущать* каждую машину, порой интуитивно предугадывая нежелательные отклонения в ее работе.

Сегодня дежурство прошло без происшествий.

Даша посмотрела на голографический монитор, скорее по привычке, чем в силу реальной необходимости: она ощущала приближение идущего ей на смену мнемоника так же отчетливо, как шум дождя за тонким, но прочным стеклом.

Эдуард Жевье уже миновал систему допуска и направлялся к эскалаторам, по диагонали пересекая сумеречный холл огромного, пустующего до поры здания.

Ну вот. Еще несколько минут, и она на целые сутки будет свободна, предоставлена самой себе. Можно выпастаться, не думая о сонмище машин, отдохнуть, сбросить нервное напряжение, а там уже недалеко до прибытия основной группы специалистов... Собственно, это было ее последнее одиночное дежурство, корабль с Аллора должен прибыть завтра к вечеру...

– Привет. – Жевье вошел в помещение. От него пахло дождем. Одежда мнемоника была мокрой, на коротко остриженных волосах блестели капельки влаги.

– Суспензорный купол барахлит? – спросила Даша, кивком отвечая на приветствие.

– Нет, скорее его настраивают на тонкую фильтрацию.

– И как?

– Прохладно. Я вообще не люблю сырость.

– А мне нравится дождь.

– Сейчас насладишься. Похоже, небо затянуло надолго, теперь будет моросить сутки, не меньше. – Эдуард занял кресло, формально принимая дежурство, и спросил: – Так тебе вызвать флайкар к подъезду или прогуляешься пешком?

– Пешком, – ответила Даша. – Ты знаешь, мне недалеко. Хочу подышать.

– Дело твое. Лично для меня гулять под дождем – удовольствие ниже среднего.

Она лишь пожала плечами, забирая со стола сумочку.

– Спокойного тебе дежурства.

– Спасибо.

* * *

Они двигались неторопливым, размеренным шагом.

Край ледника остался позади, теперь вместо метели их окружила морось дождя, и следы от подошв странной гермозкипировки четко пропечатывались на влажной земле.

Впереди все явственней проступала глухая стена зарослей, за которой зеленоватым сиянием искрился купол суспензорной защиты, накрывавший собой средних размеров город.

Спустя четверть часа странный отряд подошел вплотную к периметру суспензорного поля.

Теперь их можно было рассмотреть в деталях. Испускаемое суспензорной защитой зеленоватое сияние причудливыми бликами змеилось по мокрым от дождя элементам гермозкипировки, и в его призрачном свете вдруг становилось ясно – это вовсе не скафандры... У периметра защитного поля остановились не живые существа, а *машины*. Некоторые характерные особенности, до последнего момента скрадываемые сумраком и непогодой, позволяли судить об этом с большой долей уверенности. Гуманоидная форма механизмов более не могла ввести в заблуждение любого, даже неискушенного наблюдателя. Между отдельными элементами защитных кожухов, скрывавших под собой механические приводы опорно-двигательного аппарата, не было герметичных уплотнений, верхние конечности имели явное сходство с универсальными манипуляторами, голова (в привычном для человека понимании данного термина) отсутствовала, вместо нее у каждого из существ имелось небольшое вздутие каплеобразной формы, жестко соединенное с грудной пластиной. Его расширяющаяся часть незначительно выступала над кожухами плечевых суставов; в материале каплеобразного выроста угадывалась неоднородность, там явно располагались датчики сенсорных систем, выдающие себя тусклым, едва приметным свечением.

На первый взгляд остановившиеся подле защитного поля механизмы не имели аналогов среди известной людям техники, и все же при более внимательном рассмотрении в их облике начинало проступать нечто неуловимо знакомое. Наверное, окажись на месте назревающих событий опытный конструктор, хорошо знакомый с основными принципами моделирования автономных механических киберсистем, он бы сказал, что данные существа могли иметь предков из числа серийных человекоподобных машин, но что именно подвигло механизмы на радикальную самореконструкцию, оставалось только гадать.

В любом случае у купола суспензорного поля стояли уже не андройды, а нечто иное.

Неясными оставались их цели, и потому тусклое свечение, испускаемое сканирующими системами, выглядело зловеще.

Кто они, откуда и зачем прибыли на планету? Почему их корабль совершил посадку в труднодоступном горном районе?..

...Два механизма отделились от группы. Отойдя на несколько шагов, они претерпели внезапную трансформацию: опустившись на четыре точки опоры, оба выпустили из-под раздвинувшихся сегментов грудного кожуха дополнительные устройства, которые тут же врезались в сырой податливый грунт, вынимая и утрамбовывая его в виде кольцевого отвала. Не прошло и минуты, как оба механизма скрылись под землей, лишь из вырытой ими вертикальной шахты доносился едва уловимый гул да ощущалась легкая вибрация почвы.

Через четверть часа по ту сторону купола суспензорной защиты внезапно зашевелилась земля, проваливаясь в полость прорытого U-образного тоннеля.

Восемь механизмов, терпеливо ожидавших окончания работ, один за другим скрылись в подкопе, выходящем по другую сторону защитного периметра.

* * *

Даша действительно любила пасмурную, дождливую погоду.

Небесная влага, тщательно отфильтрованная, полностью стерилизованная тонко отстроенной системой всепогодного климат-контроля, приятно ласкала лицо своей прохладой, под куполом дул легкий ветерок, редкие источники дежурного освещения таинственно подсвечивали пустые улицы безлюдного городка.

В такие минуты ей хотелось остановиться, слиться с окружающим, полной грудью вдыхая запахи свежести, стать частью маленького рукотворного оазиса, созданного по воле людей на поверхности затерявшейся в глубинах космоса, изначально непригодной для жизни планеты.

Ей нравилось видеть и ощущать результаты глобального технологического чуда, когда претворяется в жизнь продуманный до мелочей проект, позволяющий людям спокойно сосуществовать с любой исконной средой обитания колонизируемых миров, не истребляя под корень иные биосферы, но и не испытывая прессинга с их стороны.

Все это было очень непохоже на реальность ее родного мира, и тем острее ощущалась личная сопричастность к происходящему.

Ветер над куполом усилился, но внутри защищенного пространства все оставалось по-прежнему, разве что в небольших лужицах на минуту появилось отражение далеких звезд, проглянувших в разрывах облаков.

Все это настраивало на теплый лирический лад, и в душе невольно, сами собой складывались строки:

@STIN = Отражаются звезды в воде,
На дороге как зеркало – лужи...
Теплый ветер заботливо кружит
Над листвою, умытой в дожде...
Мысль внезапно осеклась.

Покой и безмятежность, такие желанные после напряженного суточного дежурства, вдруг сломались, будто карточный домик под порывом ворвавшегося в окно ветра.

Покидая центральный офис, Даша, вопреки существующим инструкциям, не удалила из имплантов кибернетические модули, и вот теперь она внезапно насторожилась, словно опытный музыкант, уловивший в звуке знакомой мелодии фальшивую ноту.

Машинально она *включилась* в единое информационное поле, вызвав Жевье:

– Эд, что случилось?

В первый момент она не восприняла ответа на уровне мнемонической связи, хотя обычно общение двух мнемоников в пределах контролируемого ими киберпространства происходит мгновенно.

– *Не могу понять...* – наконец отозвался Жевье. – *Термальные всплески на границе седьмого сектора периметра. Система идентификации не смогла классифицировать объекты.*

– Ты сказал «на границе». *Внутри или снаружи?* – уточнила Даша, машинально поворачивая назад к зданию центрального офиса.

– *Внутри. В том и проблема. Я ощущаю что-то непонятное. Это не звери, да им и не под силу преодолеть защитный купол. Мне кажется, там что-то механическое.*

– Датчики поля?

– *Они молчат. Нарушения периметра не зафиксировано.*

– *Открой зону для визуального контакта.*

– *Пытаюсь. Что-то мешает.*

– *Я иду к тебе. Сейчас разберемся. Только не лезь туда один, без страховки. Направь для проверки ближайший из механизмов.*

– *Хорошо. Не волнуйся. Сейчас разберемся, что это может быть.*

Даша не успела отойти далеко, поэтому на возвращение ей понадобилось всего несколько минут.

Она пересекла пустынный холл и поднялась по эскалатору на второй этаж. В ней росла и ширилась неосознанная тревога, но источник этой тревоги не поддавался нормальному логическому осмыслению. Атака периметра извне – событие заурядное, в конце концов, исконная природа планеты богата различными агрессивными жизненными формами, но их попытки пересечь периметр защитного поля заранее обречены на провал: прежде чем проектировать систему суспензорного купола, кибернетический мозг тщательно проанализировал повадки всех известных представителей животного мира Треула. В итоге, по рекомендации киберсистемы, основные эмиттеры были заглублены в грунт на пять с половиной метров – для этого

специально вырыли и забетонировали кольцевой канал. Теперь ни один представитель местной биосферы, включая обитающие в почве микроорганизмы, в принципе не мог преодолеть защитный барьер, нижняя кромка которого располагалась глубже плодородного слоя...

И все же кто-то проник во внутреннюю зону. Почему Жевье решил, что это механизмы? Даша не ставила под сомнение мнемонические способности своего напарника, просто ей было трудно представить, откуда могли взяться *неклассифицируемые* объекты. База данных центральной кибернетической системы колонии хранила подробные описания миллионов модификаций различных механизмов. Даже если они попали на Треул извне – это не имеет никакого значения для точной классификации. «Нет, скорее это какие-то животные, умудрившиеся, вопреки расчетам, сделать подкоп под периметром купола, – мысленно заключила Даша. – Жевье просто занервничал, наверняка таким образом сказывается длительное напряжение одиночных дежурств. Сейчас мы решим эту проблему».

Лоури уже поднялась на второй этаж и направлялась по длинному коридору к помещению контрольной станции, когда ее настиг неожиданный, оглушительный по своей внезапности и мощи мнемонический удар.

Она смогла устоять на ногах только благодаря тому, что машинально ухватилась за выступ установленного в нише коридора молекулярного репликатора.

На несколько секунд она полностью потеряла чувство ориентации в пространстве и времени, в голове взорвался тугой шар невыносимой боли, словно мозг на какое-то время превратился в сгусток расплавленного металла.

С глухим стоном Даша содрогнулась всем телом; ее пронзила конвульсия, стены коридора поплыли перед глазами, теряя физическую незыблемость, радужные волны искажений, казалось, меняли саму структуру вещества... но на самом деле коридор по-прежнему оставался пуст, незыблем и тих, – это сознание мнемоника, впитав страшный удар, утратило ощущение границы между киберпространством и реальностью.

– Эд!.. – вскрикнула она, с трудом преодолевая последние метры, отделявшие ее от дверей контрольной станции.

Вход в помещение открылся автоматически.

Даша еще не пришла в себя после обрушившегося на нее удара, но тренированный рассудок яростно сопротивлялся ощущениям боли, стремясь во что бы то ни стало удержать искру сознания, не потерять связи с окружающим миром.

Свет по всему зданию судорожно моргал, на множестве терминалов различных компьютерных систем появились сигналы сбоя, и они безропотно уходили в перезагрузку, чтобы восстановить утраченные функции.

– Эдвард!

Даша застыла в дверном проеме, не в силах сделать шаг по направлению к креслу, из-за спинки которого виднелась безвольно свесившаяся голова Жевье.

Он сидел вполоборота, и Лоури отчетливо видела пепельно-серый оттенок его кожи, тонкую струйку слюны, стекавшую из уголка полуоткрытого рта, безумно расширенные глаза, в которых теплилась искорка жизни, но отсутствовал разум.

Даша мгновенно поняла: с ним произошло самое страшное, что может случиться с мнемоником, – рассудок Эдварда подвергся уничтожающей атаке более сильного противника, которую не смогли остановить ни виртуальные блоки, ни специальные буферы памяти, установленные между кибернетическими модулями и живыми нейросетями...

То, что она испытала минуту назад, было лишь отголоском его агонии, попыткой в последний миг ответить ударом на удар...

Вторжение...

Мысль отчаянно билась в рассудке, пока непослушные пальцы расстегивали ворот его рубашки, но все тщетно: Эдвард был жив физически... и мертв как личность. Даша поняла это, еще раз заглянув в глаза напарника.

Вторжение...

Включаться в киберпространство было по-настоящему страшно, но она сумела преодолеть накатившую жуть, мысленным усилием активируя установленные в имплантах кибернетические модули.

Реальность контрольной станции отделилась и исчезла.

Вокруг простерлось виртуальное пространство: собственно, она стала частью сети огромной, сложнейшей кибернетической системы, ядро которой располагалось глубоко в бункере, под зданием главного офиса.

Вызвать реанимационную камеру для Эдварда было делом одной секунды, дальше последовал ряд заученных до автоматизма действий, направленных на обеспечение личной безопасности.

Даша не знала, кто и с какой целью атаковал кибернетическую сеть.

Конечно, первая мысль была о кибрайкерах, но внутренняя логика тут же поставила под сомнение справедливость такого предположения – хакерам нет нужды физически присутствовать на острие атаки, обычно они действуют дистанционно, через каналы связи на гиперсферных частотах, находясь на расстоянии в десятки световых лет от объекта вторжения.

Следующим, уже более логичным объяснением случившегося могло стать военное вторжение, элементарная агрессия со стороны хорошо подготовленного, технически оснащенного противника, намеревавшегося захватить колонию с минимальными разрушениями существующей инфраструктуры. В таком случае для атаки могли быть привлечены работающие по найму кибрайкеры, но для закрепления успеха после мнемонической атаки здесь, на Треуле, должны были высадиться отнюдь не фантомные силы.

Разум мнемоника при полном включении в киберпространство работает на тактовой частоте компьютерных сетей, поэтому для рассмотрения вариантов и принятия первых решений Даше потребовалось не более десяти секунд.

Она даже не пыталась предположить, кто осмелился атаковать официально формируемую колонию, находящуюся под защитой и юрисдикцией колониальной администрации Аллора, – с этим разбираться не ей, системы связи уже получили приказ на объявление красного кода тревоги, и буквально в эти мгновения станция гиперсферной частоты Треула начала передавать сигнал бедствия.

Через три-четыре часа на орбитах планеты появятся силы немедленного реагирования – оставалось лишь удержать ситуацию под контролем до их прибытия, не дать противнику осуществить свой замысел, каким бы он ни был...

Даша расслабленно сидела в кресле, ее глаза были прикрыты, но это обманчивое физическое состояние никак не отражало того внутреннего напряжения, которое испытывал ее разум, находившийся на постоянной связи с центральной кибернетической системой колонии.

Не теряя времени на догадки относительно конкретного источника угрозы, Даша отдавала команды, направленные на глобальное противодействие.

Первым делом она изолировала станцию ГЧ, введя ее автоматику в автономный режим, запретив всякую связь с планетой. Одновременно на станции включилась полная защита от постороннего воздействия. Оборвав связь с внешним миром, она обезопасила кибернетическую систему колонии от вероятного повторения атаки через сеть Интернет.

Решив эту проблему, она тут же переключилась на внутренние аспекты безопасности.

Опрос устройств защитного периметра не дал ей новой информации: как и говорил Жевье, целостность купола не вызывала сомнений. Видеосенсоры также не смогли дать ей утвердительного ответа по факту нарушения зоны охраны. Экспресс-анализ видеофайлов

отражал обычную статистику, но визуальные сканеры не перекрывали всех участков периметра – одновременно ими отслеживались лишь наиболее рискованные направления, в основном те, где строительство уже вплотную приблизилось к куполу защиты.

Даша считывала данные, одновременно активируя подсистемы безопасности, доступ к которым мог осуществить лишь мнемоник, обладающий высшим приоритетом командного доступа. Эти программы не могли включиться автоматически, – сейчас пробуждался псевдоинтеллект, зарезервированный на случай форсмажорных обстоятельств, угрожающих существованию колонии.

Даша не колеблясь проделала все необходимые операции – теперь она могла не беспокоиться об отдельных уязвимых точках в сложном сетевом единении сотен машин. Все жизненно важные объекты колонии переходили под защиту разбуженной подсистемы, которая слишком опасна для повседневного использования, но незаменима при подобных обстоятельствах.

Все. Глобальная составляющая противодействия исчерпана.

Седьмой сектор.

Эдвард упомянул конкретное направление, где его разум зафиксировал аномалию.

Несмотря на растущее внутреннее напряжение, не оставлявшее моральных сил на эмоциональные переживания, Даша испытала моментальную горечь: ведь она спешила ему на помощь, просила не лезть туда в одиночку, а он не послушал...

Вызвав последние сообщения системы, она проследила за действиями Жевье и внутренне содрогнулась: оказывается, напарник лишь частично внял ее предупреждению – к границе седьмого сектора периметра им был послан оперативный резерв, состоявший из группы видеодатчиков в сопровождении двух сканирующих ботов, но при этом Эдвард совершил ошибку, стоившую ему если не жизни, то рассудка, – он осуществлял личный контроль над их действиями, находясь в прямом контакте с кибернетическими механизмами.

В данных отчета не содержалось никаких сведений о том, кто нанес удар, мобильная группа не отвечала, никаких возмущений в работе сети не регистрировалось, словно источник опасности прекратил свое существование.

Нет. Даша не могла позволить себе подобного заблуждения. Не вступая в прямой контакт с немногочисленными следящими устройствами, расположенными в седьмом секторе периметра, она определила для себя конфигурацию местности, почерпнув всю необходимую информацию из резервных источников.

Все ясно.

В интересующем ее районе еще не начиналось строительство, там простиралась размеченная геодезическими аппаратами пустошь, где в ближайшее время освободившиеся от иных работ группы строительных кибермеханизмов должны были приступить к выемке грунта.

Это объясняло многое. Колония Треула формировалась по отработанной, уже многократно апробированной схеме. На первых стадиях строительства люди из числа мнемоников контролировали те области под защитным куполом, где было задействовано максимальное количество кибермеханизмов. При известном дефиците автоматических средств мониторинга остальные участки подвергались лишь плановому периодическому осмотру.

Такое положение вещей являлось нормальным и оправданным – защитное суспензорное поле гарантировало надежную защиту периметра от поползновений представителей исконной биосферы планеты, и не было никакого смысла уделять дополнительное внимание неактивным участкам местности, попусту расходуя силы и технические средства. В конце концов, колония горнодобывающей корпорации – это сугубо мирное поселение, где главной заботой мнемоников является контроль над кибернетическими механизмами, а не тотальная защита периметра от вероятных вторжений.

На то и существовал аналитический отдел планирования, чтобы заранее просчитать все степени потенциальных опасностей и определить статус колонии, регламентировав тем самым внутренний распорядок и приоритетные задачи для немногочисленного персонала.

На этот раз кто-то допустил грубую ошибку при планировании. Месяц назад здесь работало десять человек, затем, в преддверии смены состава, восьмерых отозвали, оставив их вдвоем с Эдвардом дожидаться прибытия корабля с первыми поселенцами...

Одна в пустом городе...

Неприятная, отдающая обыкновенным человеческим страхом мысль взорвалась в голове, но Даша усилием воли загнала ее в глубь сознания.

Реального мира не существовало, и страхи, присущие обычному человеку, не должны вмешиваться в работу мнемоника – этому их учили долго и тщательно.

Включаясь в сеть, ты начинаешь существовать по законам киберпространства, где все рационально и каждое явление имеет под собой конкретную причинно-следственную связь.

Мысли не мешали ей действовать.

Обособив один из терминалов, Даша изолировала его от сети, одновременно вызвав ближайшую к седьмому сектору бригаду, состоявшую из двух десятков подвижных кибермеханизмов. «К-2» имели в своем распоряжении весь необходимый набор сенсорных датчиков, позволяющих использовать их в качестве разведывательной группы. Строительные механизмы данного типа обычно применялись на больших высотах, где их деятельность была постоянно связана с точными измерениями и большой степенью риска при монтаже сложных конструкций, к тому же в набор их инструментов входили плазменные резак и устройства ионной сварки, которые с равным успехом могли быть использованы в качестве оружия ближнего боя.

Под властью мнемоника подобная «строительная бригада» представляла серьезную боевую единицу.

Лоури была уверена: неизвестный противник, нанеся смертельный удар Эдварду, по-прежнему находится где-то в районе пустоши. Сейчас ее главная задача состояла в том, чтобы обнаружить и по возможности нейтрализовать незваных гостей.

Действуя стремительно и последовательно, Даша проявляла максимальную осторожность, она сознательно завышала степень опасности, чтобы избежать фатальных ошибок своего напарника. Сформированная ею группа механизмов уже двигалась в указанном направлении, но Лоури не вела ее лично, перепоручив контроль изолированному от общей сети терминалу. В логике своих действий она исходила из наихудшего варианта развития событий, предположив, что среди неизвестных, проникших за линию защитного периметра, присутствует как минимум один мнемоник, пытавшийся оглушить, а затем переподчинить себе разум Эдварда, с тем чтобы использовать его для прямого доступа к управлению главной кибернетической системой колонии.

Если это так, то противник, ощутив противодействие, поймет, что произошла замена, и нанесет новый удар... который уйдет в ложном направлении, в худшем случае повредив несколько временно изолированных от сети терминалов.

Чтобы добытая таким способом информация не пропала, Даша включила в схему еще один компьютерный комплекс, связав его с контроллером группы машин. Последний должен был получать данные путем мгновенных асинхронных сеансов телеметрии, что на девяносто процентов гарантировало сохранность аппаратуры и программного обеспечения в случае нанесения удара по группе механизмов.

Теперь ей оставалось ждать, пока сформированный отряд прибудет в указанную точку.

Не желая разделить участь Жевье, она временно вышла из сети.

За окном немного просветлело, дождь прекратился – это суспензорное поле вышло из режима климатической фильтрации, – в данный момент эмиттеры периметра работали на полную мощность, наглухо замкнув купол защиты.

Автоматическая реанимационная камера уже забрала бессознательное тело Эдварда. Даше очень хотелось внушить себе, что он выкарабкается, хотя надежда на благополучный исход была ничтожной. Лоури давно разучилась верить в чудеса – род ее профессиональной деятельности не предполагал наивных иллюзий.

Она ощутила холодок в груди. Не ко времени вспомнилась корпоративная школа, больше похожая на закрытое медицинское учреждение, где их учили *бесчувственности*. Участь мнемоника – одиночество, кроме тех редких случаев, когда они находили любовь и судьбу среди представителей своей *касты*.

Да, именно так. Не играет никакой роли тот факт, что Совет Безопасности миров признал право любого человека на добровольную дополнительную имплантацию, – это решение лишь узаконило статус мнемоников, но, кроме законов Конфедерации, существовали законы корпоративные, которые всячески ограждали ценнейшую категорию сотрудников от общения с посторонними. Даша была прекрасно осведомлена, как искусственным путем формируется общественное мнение, – им не давали права на нормальную жизнь, всячески изолировали, отталкивали от других людей. Причина такой «политики» очень проста: мнемоники владели не только необыкновенными способностями, но и многими корпоративными тайнами. За каждым из них следили строго и неусыпно, исключением были разве что подобные Треулу молодые колонии.

Вот и выходило, что большинство из них так и оставались одиночками, замкнутыми в себе, а потому непонятными... даже отталкивающе-непонятными для других. Ежедневное общение с машинами и воздействие имплантов накладывали неизгладимый отпечаток на разум, но путь назад закрыт, невозможен...

Эти мысли рано или поздно приходили к любому из них. Вот и сейчас Даша остро ощущала, что не может полноценно сопереживать Эдварду – где-то в глубине сознания, перечеркивая все душевные порывы, вызрела холодная мысль: он не справился, допустил непростибельную беспечность и получил закономерный удар.

Этому голосу хотелось крикнуть в ответ: *Заткнись!* – и в свою очередь спросить: – *А справлюсь ли я?*

Моральное одиночество научило Дашу спорить с притаившимся на донышке души вторым «я», она нашла отдушину, позволяя себе любить дождь, утренний туман, запахи леса – все, что не могло ответить взаимностью, обжечь осознанным встречным чувством привязанности.

Идеальный мнемоник. Ты справишься.

Заткнись.

Группа строительных механизмов уже пересекла границу злополучного сектора. По-прежнему не включаясь в сеть, Даша развернула к приборному комплексу, куда периодически поступала телеметрия данных с датчиков кибермеханизмов.

В сфере стек-голографа клубилась вязкая ночная мгла, подсвеченная зеленоватым мерцанием термальной оптики, дождь прекратился, но перенасыщенная влагой земля курилась испарениями, словно нарочно подыгрывая неведомым пришельцам.

Даша коснулась сенсора, включая фильтрацию видеосигнала. Изображение в объемном мониторе тут же приобрело резкость.

«Как утомительно и долго...» – с долей раздражения подумала она. Осуществлять наблюдение и манипулировать ручным вводом команд без мнемонического контакта с системой было непривычно, собственные действия казались слишком медлительными, видеоизображение – неполноценным, лишенным массы подробностей.

Я должна увидеть их и понять, с кем или с чем имею дело.

Она пылливо всматривалась в изображение и недоумевала – вокруг (датчики кибермеханизмов обеспечивали сканирование всего пространства вплоть до внутренней границы суспензорного поля) не просматривалось ни одного постороннего сигнала.

Неужели ошиблась с выбором направления?

Нет... Они должны быть где-то тут, рядом, ведь прошло не более пяти минут с момента, когда Эдвард ощутил постороннее присутствие подле защитного периметра.

Вот именно, что *ощутил*, – шепнул голос-искуситель.

Нет. Она твердо решила, что не включится в сеть, пока не определит источник угрозы...

В этот миг на стереоэкране возникло стремительное движение.

Даша отчетливо видела, как под ступоходами строительного механизма начала вспучиваться налитая влагой почва, – что-то обтекаемое вырвалось из тщательно, со знанием дела подготовленной засады, и рассудок мнемоника мгновенно перестроился: пусть она и не находилась в прямом контакте с машинами, но способность соизмерять время течением миллисекунд от этого не пропала – она воспринимала видеоряд, будто перед ней прокручивали замедленную съемку события, разум подмечал множество деталей, которые попросту ускользнули бы от внимания при «нормальной» скорости восприятия...

Первым, что бросилось в глаза, была отлетающая в сторону тончайшая маскировочная сетка, состоящая из металлизированных нитей. Заметить ее позволила все та же вездесущая, липкая грязь; затем из образовавшегося провала появился обтекаемый корпус – сначала она определила его как элемент бронескафандра, но через долю секунды изменила свое мнение – попавшие в поле зрения гибкие манипуляторы, заключенные в гофрированные кожухи из металлопластика, не вписывались в концепцию боевой гермоэкипировки... Вообще, кроме приблизительного сходства форм между известными Даше сервомеханизмами и теми *сущест-вами*, что, вырвавшись из схронов, стремительно атаковали строительных роботов, ее разум не нашел иных аналогий.

Чужие. Эта мысль обожгла рассудок за мгновение до того, как атакованный строительный механизм вдруг объяла бледно-фиолетовая аура и он начал медленно падать, не предпринимая никаких попыток к противодействию, словно его сервомоторы пришли в полную негодность...

Именно так.

Бледное сияние, сопровождавшее атаку, являлось побочным эффектом контактного электромагнитного удара – разряд шел от манипуляторов чуждого существа, варварски сжигая всю сервомеханику жертвы.

Даша впервые сталкивалась с таким способом нейтрализации кибермеханизмов, но была вынуждена признать, что он оказался эффективным: прошло не более десяти секунд с начала атаки, а вся группа строительных роботов, посланная на разведку сектора, лежала в истоптанной ступоходами грязи – механизмы застыли, окостенев в нелепых позах, словно опрокинутые муляжи.

Видеоряд... Откуда транслируется изображение?

Она бросила взгляд на датчики.

Контуры атакованных механизмов искрились алыми маркерами критических повреждений, но центральный процессор, скомпонованный вместе с системными блоками внутри грудной полости механизмов, по-прежнему выдавал устойчивый, исправный сигнал! Даша не могла немедленно ответить на вопрос, каким образом чужаки сумели столь точно дозировать мощность удара, – они сожгли всю исполнительную периферию, оставив нетронутым ядро системы!

Далее события приняли совершенно неожиданный оборот.

Чужаков было десять. Семеро из них без особого труда подняли массивных строительных роботов и понесли к защитному полю, трое, оставшиеся на месте схватки, подобрали маскировочные сети, не позволившие датчикам вовремя обнаружить засаду, а затем... принялись заматывать следы, придавая почве первозданный вид при помощи каких-то специфичных приспособлений, работа которых была основана на локальном эффекте антигравитации. Они без труда приподнимали по несколько кубометров мелкозернистого гравия, перемешанного со сте-

рилизированной продукцией почвоукладчиков, и равномерно распределяли массу по площади, где до этого явственно виднелись следы борьбы.

Даша поняла – еще минута, и чужаки скроются, унося в качестве трофеев семь строительных механизмов.

Обычный человек на ее месте не увидел бы смысла в подобной акции. Поведение чуждых механизмов не укладывалось в рамки традиционной логики – группа строительных роботов имела смехотворную ценность, их было проще купить, чем осуществлять столь дерзко и одновременно грамотно спланированный захват. Учитывая, что при этом пострадал мнемоник и, по сути, подверглась атаке колония, добыча чужаков не шла ни в какое сравнение с теми последствиями, которые они спровоцировали.

Так мог рассуждать кто угодно, но только не мнемоник.

Даше с первого дня обучения постоянно внушали, что самым ценным в мире является информация. Для нее не играла роли коммерческая ценность строительных роботов – она видела перед собой чуждые механические формы, которые завладели исправными носителями информации, где содержались разнообразные сведения о структуре колонии, планах ее развития, специализации производств...

Чужие. Чужие машины. Не классифицированные ни по одной из баз данных. Принадлежали ли они людям или являлись порождением иной цивилизации?

История развития человечества уже знала примеры, когда иная раса кропотливо выкачивала информацию о человечестве, успешно маскируясь анонимностью пользователей межзвездной сети Интерстар.

Словно в подтверждение ее мыслей, на центральном терминале зажглось сразу несколько предупреждающих сигналов.

Один из парализованных строительных механизмов пытался установить канал обмена данными с глобальной базой данных колонии.

Даша более не могла колебаться. Инстинкт мнемоника – это не расхожий миф, она отвечала за информационную безопасность колонии, и сейчас каждый ее нерв взывал к немедленному действию.

Вход в сеть.

Сознание взорвалось бриллиантовой россыпью горячих брызг, время и пространство утратили смысл физических величин, она более не принадлежала миру материальных тел: киберпространство распахнулось, поглотило ее рассудок, который слился с виртуальной оболочкой колонии, став на время ее волей, управляющим центром, *ядром глобальной системы...*

Теперь в ее распоряжении оказались все технические средства колонии, но, увы, среди них не было специализированных боевых машин, способных уничтожить пришельцев вместе с их трофеями.

Перекрыть все каналы доступа к базам данных колонии.

Тело Даши застыло в кресле, вцепившись пальцами в подлокотники. Ее лицо побледнело, принимая пепельно-серый оттенок, но мысль работала четко. Перед внутренним взором мелькали схемы информационных коммуникаций, пока сознание не ухватило тонкую нить, связующую электронный «мозг» захваченного кибермеханизма с информационным хранилищем.

Она вложила все силы в удар.

Нитевидный канал начал пульсировать, пока она не *почувствовала*, как разрушается система, которой манипулировала чуждая воля.

Ответный удар последовал незамедлительно. В сознании Даши возник огненный вал, который стремительно надвигался на нее, будто гигантская приливная волна...

Секундный сбой связи.

Ее тело судорожно выгнулось в кресле.

Нет, она не оборвала связь, не вырвалась из кипящего киберпространства, сумев пережить мгновенную атаку, но, когда сознание прояснилось, уже не одна, а две нити жадно тянулись к виртуальному ядру системы.

Лоури поняла: уничтожать кибермеханизмы ментальными атаками бессмысленно – ее сознание не выдержит ответных ударов, учитывая, что в распоряжении противника оставалось еще шесть исправных процессорных блоков, имеющих право доступа к информационным хранилищам. Ей в одиночку не перекрыть все каналы, по которым может осуществляться связь, – она попусту распылит силы, не оставив средств для защиты собственного рассудка, сама станет слабым звеном сети...

Нет, единственным выходом из ситуации было полное отключение всех систем колонии.

Она отдала терминирующий приказ и тут же переключилась на иную задачу, зная, что несколькими секундами позже каналы обмена данными оборвутся сами по себе.

Она ощущала их – чуждые машины, которым оставалось преодолеть всего четыреста метров до подкопа, проведенного под куполом суспензорной защиты.

На противодействие – считанные мгновения.

Даша быстро сориентировалась, перехватив управление двумя лазерными установками, подготовленными в седьмом секторе для точной разметки котлованов под будущее строительство.

Находясь в киберпространстве, она не видела, как вспыхнули и тут же погасли темно-вишневые потоки когерентного излучения, поразив группу отступающих к куполу машин.

Двух строительных роботов, пытавшихся выкачать информацию с запоминающих устройств колонии, разрезало на неравные части; неподалеку от купола суспензорной защиты раздался грохот, сопровождаемый вспышками микровзрывов, – там в этот момент разлетались размягченные клочья перегретого металла, напитанный озоном воздух вдруг закрутило мгновенными мутными смерчами, и тут же без промедления последовал ответный удар...

На этот раз противник огрызнулся электромагнитным разрядом такой мощности, что Даша ощутила, как искажается, теряя привычную структуру, виртуальное пространство колонии.

Один за другим выключались пораженные терминалы сети, в киберпространстве воцарился хаос, сотни машин теряли управление, и Даша последним усилием истощенной воли повторила глобальный приказ на прекращение всех действий – только так можно было уберечь сложнейшую кибернетическую сеть от неизбежной цепи локальных катастроф, связанных со сбоями в работе отдельных механизмов.

Мир в ее сознании поблек, выцвел, но эта внезапная потеря красок означала, что команда аварийного выключения систем успешно прошла по каналам связи.

Все.

Она осталась одна, окружающая техногенная оболочка отключилась, свою работу продолжала лишь автоматика, обслуживающая ядерный реактор, и автономная система суспензорной защиты.

На фоне поблекшего киберпространства явственно выделились восемь активных сигналов, исходящих от инородных машин.

Половина из них уже преодолела барьер суспензорного поля, оказавшись по ту сторону периметра, и Даша не колеблясь ударила по оставшимся внутри, понимая, что вкладывает в отчаянную атаку остатки сил, оставаясь практически беззащитной.

* * *

Два инородных механизма, уничтожавшие следы продвижения группы, внезапно застыли, не подавая признаков функциональности. Они не успели собрать и ликвидировать обломки двух строительных роботов, пораженных лазерными разрядами.

Суспензорное поле светилось напряженным зеленоватым сиянием.

Уцелевшие машины обменялись короткими взаимными сообщениями.

Дальнейшее уничтожение следов было признано нецелесообразной тратой времени. Следовало как можно быстрее покинуть планету, сохранив захваченные кибермеханизмы. Судя по всему, они не боялись преследования в космосе, но до оставленного в районе высокогорья корабля предстоял долгий путь.

Два пришельца, все еще остававшиеся внутри купола защитного поля, развернулись в сторону темных зданий колонии и произвели синхронный залп.

Бледное голубоватое сияние объяло постройки тусклой аурой электромагнитного удара.

Ничего не изменилось вокруг, но чуткие сенсоры машин зафиксировали, как гаснет остаточная активность кибернетических систем внутри зданий.

Отследив результат атаки, они подхватили обездвиженные тела своих собратьев и скрылись в подкопе.

Минуту спустя почва вновь пришла в движение, обрушившись в проделанный машинами тоннель.

Подле границы купола суспензорной защиты остались лишь немногочисленные фрагменты уничтоженных лазерными разрядами строительных механизмов.

До появления вызванных Дашей Лоури групп немедленного действия оставалось еще четыре часа.

Она неподвижно сидела в кресле. Побелевшие пальцы по-прежнему сжимали подлокотники, на бледном, обескровленном лице не дрожал ни один мускул, глаза молодой женщины оставались плотно закрытыми.

Она так и не вышла из виртуального пространства, попав под последний уничтожающий удар чужеродных механизмов.

Несколько минут спустя купол суспензорной защиты внезапно вспыхнул напряженным мерцанием и погас.

Над темными улицами города пророкотало эхо отдаленных взрывов – это вышли из строя несколько эмиттеров, не выдержавших последствий перегрузки, возникшей в момент электромагнитного удара.

Глава 2

Открытое космическое пространство

В глубинах космоса, вдали от звездных систем, дрейфовало поле обломков.

Если быть точнее, то скопление различных, деформированных в той или иной степени конструкций состояло из сферического уплотнения, вокруг которого на сотни километров простиралось своеобразное кольцо. Материалом для него послужили относительно небольшие, находящиеся в постоянном хаотичном движении фрагменты космических аппаратов.

След отгремевшей тысячи лет назад войны.

Центральная часть скопления до сих пор хранила очертания исполинской станции, похожей на небольшую рукотворную планету. В первозданном виде ее форма напоминала мяч для игры в регби, с длинными решетчатыми выступами на торцевых поверхностях.

Когда-то на этих опорах размещались вынесенные в космос локационные системы и причальные доки для транспортных кораблей.

Скрытая от посторонних глаз станция являлась автоматическим заводом, который в период войны выпускал бронеплиты обшивки для техники Земного Альянса.

Сейчас здесь властвовали мрак и холод.

Поверхность рукотворного небесного тела навек запечатлела в своем «рельефе» следы внезапной ожесточенной атаки и жестокого сопротивления: повсюду виднелись разбитые, исковерканные надстройки, секции обшивки на протяжении сотен метров отсутствовали, обнажая тусклые ребра каркаса или внутреннюю структуру подвергшихся декомпрессии отсеков.

Однако следы серьезных разрушений выглядели не более чем ранами на бронированной шкуре рукотворного исполина. Станция достигала пятидесяти километров в диаметре, и там, где обшивка сохранила свою целостность, взгляду стороннего наблюдателя открывался ни с чем не сравнимый механореалистический пейзаж: над близким изгибающимся горизонтом высились решетчатые стрелы разгрузочных кранов, между ними зияли пологие разломы уходящих вглубь пандусов с двумя монорельсовыми направлениями, между выступами сохранившихся надстроек проходили самые настоящие дороги, поверхность которых до сих пор оставалась намагниченной, притягивая к себе все металлические предметы... кое-где из-под истерзанной ракетными попаданиями обшивки плавно вспучивались купола защитных систем станции.

Далее, ближе к торцевым поверхностям, следовал целый лес разгрузочных стрел – настоящие металлические джунгли, в которых можно запросто сбиться с пути и бесконечно блуждать по многоуровневым переходам, изредка попадая в помещения складов.

На обратной стороне станции простиралось пустое, изъеденное язвами ожогов пространство, оканчивающееся колоссальным провалом – воронкой с коническими, оплавленными адской температурой краями, которая образовалась в момент взрыва ядерного реактора, питавшего энергией автоматические производства.

...Среди окружающих станцию обломков, чуть выше плоскости эклиптики тускло поблескивающего кольца, освещая замысловатые конструкции, медленно маневрировал современный космический корабль. На его борту, меж навигационных и габаритных огней, легко читалась маркировка Военно-космических сил Конфедерации Солнц.

Малый крейсер не имел имени собственного, только порядковый номер. «Борт 2057» являлся специализированным кораблем разведки, осуществлявшим поиск и зачистку оставшихся после войны кладбищ кораблей. Совет Безопасности Миров, финансировавший данную акцию, ставил перед собой вполне конкретные задачи, где только часть приоритетов была

отдана поиску и захоронению человеческих останков, – основной задачей спецгрупп космического десанта было обнаружение и ликвидация боевых машин – наиболее опасного наследия войны.

Капитан Рауль Шелест, командир особого подразделения по борьбе с кибернетическими механизмами, в данный момент двигался по поверхности станции в районе складских терминалов.

Датчики боевого скафандра минуту назад обнаружили термальный всплеск.

– Группа «Альфа», подтягивайтесь, – произнес он в коммуникатор, одновременно мысленным целеуказанием обозначив на тактической карте конкретные позиции для каждого бойца. Данные тут же были ретранслированы автоматическим устройством АТК,⁴ поддерживавшим постоянный контакт как с базовым кораблем высадки, так и с каждым из находящихся на поверхности станции десантников.

Шелест не стал бы отвлекать своих бойцов, осуществлявших прочесывание заданного квадрата, по пустякам.

С одиночным кибермеханизмом капитан мог справиться без посторонней помощи, но по мере приближения к источнику энергетической и тепловой активности становилось очевидно: примерно в километре отсюда работает крупный реактор. Как правило, подобные стационарные источники питания являлись местами концентрации машин – в условиях естественного энергетического дефицита программная логика механизмов заставляла их вести натуральную войну за овладение системами подзарядки, обычно пик подобных столкновений приходился на первое десятилетие автономного существования.

Дождаясь подхода основной группы, капитан продвинулся еще на пятьдесят метров: он обогнул надстройку, открывая себе обзор.

Впереди в тусклом рассеянном свете прожекторов базового корабля возвышался корпус штурмового носителя класса «Нибелунг».

Действительно проблема... По оперативным данным, на станции в период войны не базировались серв-соединения, но архивные документы тысячелетней давности нередко грешили против истины, и в таких ситуациях Шелест привык полагаться на реальные факты. В данном случае он видел перед собой специализированный корабль, предназначенный для транспортировки и технического обслуживания тяжелой планетарной техники.

– Внимание. Всем перейти в режим боевого сканирования. Источник энергии определен как штурмовой носитель класса «Нибелунг». Вероятно, на его борту может находиться серв-соединение.

– Командир, я фиксирую этот источник, – раздался голос штатного снайпера группы, который уже занял позицию на господствующей над остальными площадями надстройке.

– Есть еще активные сигналы?

– Датчики по полям. Никого нет дома.

– Сам-то веришь? – усмехнулся Шелест. – Свято место пусто не бывает.

– Верно. Мне нужен Зимогоров для страховки.

– Добро.

Рауль продолжал сканировать окрестности.

Не нравился ему этот штурмовой носитель. Сомнительно, чтобы реактор «Нибелунга», работающий на пятидесяти процентах мощности, не истратил запас активного вещества за минувшее тысячелетие, да и сам корабль выглядел слишком «свежо» – броня светлее окружающей обшивки станции, корпус не имеет характерных следов повреждений от баллистического оружия – лишь несколько пятен ожогов от лазерных попаданий да пара выбитых декомпрес-

⁴ АТК – автономный тактический комплекс. Система предназначена для оснащения бронескафандров офицерского состава десантных групп.

сией люков, в общем – чужеродное вкрапление на фоне тотальных разрушений и царящего вокруг хаоса.

Создавалось стойкое впечатление, что «Нибелунг» прибыл сюда уже после войны. Подобные случаи, кстати сказать, не редкость. Часть боевой техники еще много лет эксплуатировалась различными компаниями и даже частными лицами, пока не изнашивалась окончательно. Обычно проблему утилизации подобных реликтов решали в обход существующих межпланетных соглашений – нанимали какого-нибудь пилота с единственной целью – похоронить выработавший свой ресурс космический корабль на каком-либо из известных космических кладбищ.

Практически беззатратный способ решения серьезной проблемы. Один демонтаж реактора обычно влетал в круглую сумму, а тут нужно всего лишь заплатить горе-пилоту, согласившемуся на содействие в афере. При этом хозяева кораблей не задумывались о том факте, что на подобных обломках войны, как правило, существует своя «поствоенная жизнь», остро нуждающаяся в энергетических ресурсах.

В результате такой безответственности машины, которые по определению должны были впасть в энергетическую кому, продолжали функционировать, но что еще хуже, среди них зачастую попадались образчики техники, оснащенные модулями псевдоинтеллекта...

«Хорошо бы заглянуть во внутренние отсеки „Нибелунга“, – подумал Рауль. – Тогда все станет ясно...»

От повторного сканирования штурмового носителя его отвлек вызов на командной частоте.

– «Борт 2057» вызывает группу «Альфа».

– Слушаю. Капитан Шелест. – Рауль узнал голос майора Олсби, координирующего действия его группы.

– Мы зафиксировали крупный, не принадлежащий станции объект. Двадцать километров от твоей позиции по вектору 160.

– А конкретнее?

– Штурмовой корвет Флота Свободных Колоний. Поздняя модификация, система опознавания определила его комплектацию как автоматический вариант, хотя произвести полную идентификацию не удалось.

– Что помешало? – осведомился Шелест, продолжая внимательно изучать окрестности «Нибелунга». Рассмотреть ближайшие подступы к кораблю мешало странное, с точки зрения капитана, дугообразное возвышение: на надстройку или технологический выступ не похоже, на ум шла одна неуместная в конкретных условиях ассоциация с *баррикадой*.

– Корвет серьезно поврежден огнем ракетно-артиллерийских комплексов, – пояснил координатор. – Детали корпуса с явной маркировкой не сохранились.

– Автоматический корабль такого класса должен нести на борту мобильные штурмовые группы, – напомнил майору Рауль. – У вас есть сведения по их комплектации и численному составу?

– Есть. Не только сведения, но и визуальное подтверждение. Зонды зафиксировали разрозненные группы «LDL-55».⁵

– Функциональны?

– Да. Мы снизили орбиту одного из разведзондов, реакция вялая, сканеры передали данные по энергооснащенности – заряд накопителей порядка двадцати-тридцати процентов от заявленного в ТТХ⁶ номинала.

– Зонд сбили?

⁵ «LDL-55» – аббревиатура от «Large Driver Laser».

⁶ ТТХ – тактико-технические характеристики.

– Да, на втором витке. Пятидесятимегаваттный разряд теплового лазера.
– Насколько я помню, у «LDL-55» лазерные комплексы выкачивают по двести мегаватт.
– Энергетический голод. – Шелест живо представил, как вечно сутулящийся майор пожал плечами, глядя на показания парящих в воздухе голографических приборных панелей. – Что касается цифр, – вновь зазвучал в коммуникаторе голос Ричарда Олсби, – то могу тебя «порадовать» – на борту корвета базировалось десять штурмовых групп. Каждая соответственно включала в свой состав тридцать шагающих лазеров. Вот и умножай.

Шелест умножил. Триста бродячих лазерных установок... Теперь их количество следовало поделить на статистически выверенный коэффициент невосполнимых потерь при прорыве стационарной обороны объекта и снизить степень потенциальной угрозы в соответствии с данными, снятыми уничтоженным зондом.

Все равно получалось многовато.

– У меня проблема иного сорта, – сообщил Рауль координатору. – Обнаружен «Нибелунг» с работающей силовой установкой. Я передаю координаты для орбитальной группировки слежения.

– Принимаю. А «LDL-55» тебя не беспокоят?

– Пока нет, – сухо ответил Рауль. – Они уже выполнили свою задачу, уничтожили реактор станции, и теперь, следуя программным приоритетам, должны охранять зону высадки. Радиус охвата по максимуму составляет пять километров.

– Понял тебя. Жди поддержки минут через семь, не раньше. Кстати, ты всерьез считаешь, что лазерные боты охраняют обломки корвета?

– Однозначно, – ответил Шелест и пояснил: – Данные сервомеханизмы имеют сравнительно небольшую степень программной свободы. Хотя острая необходимость в подзарядке вполне может пригнать их сюда: судя по всему, реактор «Нибелунга» – единственная энергетическая аномалия на всей поверхности станции.

– Согласен. Я отдаю приказ на старт двух модулей огневой поддержки. Пусть блокируют направление на корвет, пока ты занимаешься штурмовым носителем. Что намереваешься предпринять?

– Выдвинусь поближе под прикрытием своей группы. Тут на поверхности станции непонятное возвышение. Сплошной металл, из-за него сканирующее излучение не пробивает до основания «Нибелунг».

– Понял тебя. Советую дождаться, пока группировка спутников закончит подвижку.

* * *

Рауль не стал пренебрегать советом координатора, но передислокация аппаратов слежения не внесла ясности, скорее данные, полученные с их сенсоров, лишь усложнили общее восприятие обстановки.

Сразу за возвышением, которое Рауль продолжал мысленно называть «баррикадой», располагался относительно ровный участок неповрежденной поверхности древней станции. Создавалось впечатление, что кто-то намеренно очистил пространство вокруг «Нибелунга» от разного рода обломков, лишь бронеплиты под днищем штурмового носителя вздымались пологими волнами, немо свидетельствуя об аварийной посадке корабля.

Последним штрихом к картине, окончательно сбившим с толку капитана Шелеста, стало абсолютно неуместное сооружение в виде двадцатиметрового арочного прохода, сиротливо возвышающегося посреди расчищенной площадки.

Изучив конструкцию посредством сканеров орбитальной группировки, Рауль пришел к выводу, что ее возраст составляет от силы две-три сотни лет. Внушительных размеров арка, непонятно кем и с какой целью возведенная на поверхности древней станции, смотрелась будто

распахнутые настежь ворота в иной, неподвластный пониманию мир, – эстетика ее форм несла нечто неуловимо тонкое, основанное на чувственных ассоциациях архитектора, воплощенных в плавных линиях изящных, но не вычурных изгибов.

Парадокс. Особенно остро неуместность данной конструкции ощущалась, когда взгляд проходил сквозь образованный ею проем и... вместо ожидаемого *иного* пространства находил лишь ровное поле плотно пригнанных бронеплит да искореженную ураганным огнем надстройку комплекса противокосмической обороны...

Созерцательное замешательство Рауля внезапно усилилось. Он как будто почувствовал чужой взгляд, холодный, изучающий, пристальный, хотя мгновенное сканирование окрестностей не выявило ни малейших изменений обстановки.

И все же он остро, до дрожи, чувствовал: кто-то находится поблизости и пристально смотрит на него...

Из неприятного состояния капитана Шелеста вывел голос майора Олсби:

– Первый, на связь. Срочное сообщение.

– Что стряслось? – Рауль по собственной фразе почувствовал, что выбит из привычного уравновешенного состояния.

– Мы принимаем сигнал бедствия. Срочно сворачивайтесь, за вами выслан челночный корабль.

– При чем тут мы? – не понял капитан.

– Полученный сигнал транслируется из системы Треула. Это колония рудодобывающей компании «Спейсстоун». По информации, переданной из штаба флота, на планете полно машин при минимальном количестве людей. Мы – ближайший корабль, способный оказать помощь.

– Понял. Много машин – это наш профиль. Сворачиваемся. Укажите координаты точки подбора. – Шелест, против обыкновения, не стал возражать или спорить, хотя всем было известно, как обычно реагировал капитан на попытки начальства использовать его подразделение для решения какой-либо внезапно возникшей проблемы.

Он продолжал ощущать на себе чужой взгляд, который в сочетании со странностями окружающей обстановки доводил восприятие до той степени абсурда, когда вместо ясного, трезвого мышления рассудок начинают заполнять всякого рода домыслы.

Рауль никогда не отличался ни суеверностью, ни тем более – малодушием, но сейчас он был рад, что его группу временно отзывают с поверхности древнего сооружения.

Было над чем подумать во время вынужденной передышки: в том, что они вернутся сюда, Шелест не сомневался ни на секунду.

Группа капитана Шелеста. Колония Треула. Автономный режим

Десантный модуль вышел из гиперсферы в непосредственной близости от планеты.

При получении сигнала бедствия пилоты, спешащие на выручку, как правило, не придерживаются энергетически выгодных точек всплытия – в расчет берется уже не экономичность, а исключительно скорость.

– Внимание в десантном. Капитана Шелеста в рубку управления! – раздался в интеркоме голос галактлейтенанта Грабцова.

Рауль отдал мысленный приказ, и наклонное ложе приподнялось, сухой звук фиксаторов освободил бронескафандр от страховки, позволяя встать.

Он бросил взгляд в узкий проход между двумя рядами наклонных капсул, готовых в любой момент войти в стартовые стволы электромагнитных катапульт.

Закругленные с обоих торцов овальные цилиндры, внутри которых находились бойцы его подразделения, были герметизированы. Обычная мера предосторожности при полете к

планете. Случись что-то непредвиденное, и автоматика в течение нескольких секунд отстрелит двенадцать индивидуальных посадочных капсул, снабженных собственными двигателями и системой навигации.

Дверь рубки управления неслышно скользнула в сторону.

– Как обстановка? – Рауль без лишних приглашений занял резервное кресло пилота и взглянул на обзорные экраны.

В прицеле курсовой координатной сетки висел огромный коричневатого-серый шар планеты, на фоне которого скользила яркая, отливающая серебром ажурная конструкция станции гиперсферной частоты.

– Пока тихо, – ответил Грабцов. – Я бы сказал – подозрительно тихо. Станция ГЧ заблокирована. Связи с колонией нет. Сигнал бедствия передается единственным передатчиком, работающим в режиме изоляции от остальной аппаратуры.

– Виртуальная атака? – предположил Шелест.

– По всем признакам похоже на то. Непонятно, почему молчит сама колония. Мы уже в пределах прямой связи.

Рауль взглянул на показания датчиков, расположенных в сфере голографического монитора. Действительно, лейтенант прав – создавалось впечатление, что на поверхности не работает ни один кибернетический комплекс.

Сканеры штурмового модуля способны зафиксировать даже ничтожную энергетическую активность, здесь же ее не наблюдалось вообще – лишь смутно тлеющее пятно ядерного реактора.

Суспензорное поле свернуто. Силовая установка погашена в аварийном режиме. Станция ГЧ заблокирована. Слишком круто для последствий виртуальной атаки. Скорее отключение произведено внутренней командой, распространенной по глобальной сети. Иначе не объяснишь. Шелест прекрасно отдавал себе отчет, что внизу, на относительно небольших площадях, сконцентрирована сугубо гражданская техника: строительная, рудодобывающая, планетообразующая, но степень пассивной защиты созидательных механизмов, работающих в режиме освоения чуждой для человека планеты, по определению не должна уступать продвинутым боевым аналогам.

– Что делать, капитан? Выходить на орбитальный виток?

– Сажай модуль.

– А если ловушка?

– Без «если». Идем на посадку в режиме максимальной защиты.

Лейтенант Грабцов молча опустил забрало гермошлема.

Рауль пристегнулся к креслу и тоже загерметизировал шлем, давая понять, что не собирается возвращаться в индивидуальную капсулу.

– Внимание всем! – произнес он в коммуникатор. – Идем на посадку. По сигналу – покинуть капсулы для десантирования через рампу.

Шар планеты уже разросся до исполинских размеров, заполнив все сектора телескопического обзора, лишь на мониторах заднего вида медленно терял контрастность фон усеянного мириадами звезд космического пространства, уступая место постепенно разгорающейся ауре, излучаемой нагревающейся обшивкой модуля.

Плавный вход в атмосферу сопровождался лишь легкой, едва ощутимой вибрацией; внизу простирался клубящийся океан облачности – серая мгла, в которую минуту спустя погрузился ДШМ.⁷

Пока на экранах властвовала серая муть, подсвеченная багрянцем от раскаленной обшивки, Рауль на несколько мгновений активизировал кибернетические модули имплантов.

⁷ ДШМ – десантно-штурмовой модуль.

Ничего.

Ощущение *пустого* киберпространства оказалось настолько резким, непривычным, что он на миг почувствовал себя не сидящим в кресле снижающегося космического аппарата, а одиноко стоящим посреди бескрайней и безмолвной пустыни...

...Наконец облака расступились.

Модуль продолжал снижаться; над этим полушарием планеты царила ночь, и только термальная оптика вычерчивала зеленоватые, подернутые мелкой рябью помех контуры приземистых зданий небольшого городка, над которым царил высотный офис корпорации «Спейс-стоун».

Ни одного габаритного огня, освещенного окна или иного проблеска света – лишь глухая тьма.

– Посадочные площадки временного космопорта свободны. Начинаю окончательный маневр.

Рауль дождался, пока схлынут резкие перегрузки торможения, а индикатор скорости сравняется с отметкой двухсот километров в час.

Вновь короткое включение имплантов.

Сфера сканирования пуста. Разум капитана воспринимал лишь фоновое тепло реакторной установки.

– Приготовиться к десантированию! – Шелест встал с кресла и добавил, обращаясь к Грабцову: – Как только мы покинем корабль, поднимешься на один километр. Без моей команды огня не открывать. О любых изменениях обстановки докладывать немедленно.

– Понял, – не оборачиваясь, ответил пилот. – Удачи.

* * *

Единственное поселение колонии Треула встретило десантников вязким мраком неосвещенных улиц и нудной моросью дождя.

– Земцов, берешь двух человек, задача – осмотр периметра суспензорной защиты.

– Понял, командир.

Три фигуры в бронескафандрах отделились от немногочисленной группы и тут же растворились в плотном мраке, оставив напоминанием о себе лишь маркеры засечек на радаре АТК.

– Остальные за мной! – приказал Рауль, избрав в качестве ориентира здание колониального офиса.

Необходимости отдавать дополнительные инструкции он не видел – бойцы действовали четко, слаженно, разбившись на пары, они двигались вслед за командиром, прочесывая сканирующим излучением каждое ответвление главной улицы.

Рауль остановился, когда до центральной площади городка оставалось пройти менее ста метров.

У подножия строящегося здания лежал универсальный кибермеханизм.

– Моллиган, осмотреть!

Несколько секунд ожидания. Почему-то зябко, неуютно на душе, не тревожно, а именно неуютно, не то от капель моросящего дождя, сбегających по забралу гермошлема, не то от...

– Он разбился, сэр, – пришел доклад. – Упал откуда-то с верхних этажей.

– Понял. Что в здании?

– Наблюдаю группу из пяти однотипных машин. Один механизм стоит, остальные *лежат*. – Сайрок подчеркнул интонацией последнее слово.

Рауль понял, на что именно обращает его внимание боец. Отключившийся по приказу кибермеханизм никогда не рухнет с высоты и не останется лежать, окаменев в произвольной

позе. Перед штатным выключением любая машина выполнит ряд операций, например, отойдет на безопасное расстояние от края строительной площадки и замрет в строго определенном положении.

– Электромагнитный импульс, – вновь раздался в коммуникаторе чуть хриловатый голос Моллигана. – Сканирование показывает повреждение цепей управления. Часть внутренних схем носит характерные следы оплавления.

Рауль выслушал доклад, на мгновение включился в киберпространство, но ощутил все ту же гнетущую пустоту.

– Земцов, что у тебя?

– Обнаружено два взорванных эмиттера суспензорной защиты. Предположительно разрушение произошло из-за резкого скачка напряжения.

Кто-то все же атаковал колонию. Причем не виртуально.

– Грабцов?

– На связи.

– Что на сенсорах?

– Чисто.

– Свяжись со станцией ГЧ. Сними аварийную блокировку и проверь, когда было зафиксировано последнее возмущение гиперпространства.

– Понял.

Рауль посмотрел на сумеречное здание офиса и коротко скомандовал:

– Вперед. Земцов, исследуй эмиттеры. Мне важно знать – мог их взрыв привести к возникновению электромагнитной аномалии?

– Сейчас разберемся.

– По сторонам поглядывай.

* * *

Оставив двоих бойцов на входе, Рауль с остатками группы поднялся на второй этаж, где, следуя логике стандартной планировки подобных учреждений, должны располагаться посты дежурных операторов. Обычно на стадии автоматического терраформирования в колонии постоянно проживало от двух до десяти человек. Все они обязательно являлись мнемониками, в последнее время это стало нормой для молодых колоний, развивающихся с использованием передовых технологий.

– Кривченко, Полибов, проверьте медицинский модуль здания.

Еще двое десантников исчезли в сумраке длинного коридора.

Рауль осмотрелся. Компьютерное видение позволяло ему ориентироваться в незнакомой обстановке, словно у себя дома, – повсюду имелись хорошо различимые маркеры, условно обозначающие тип помещений и их предназначение.

– Прямо по коридору сорок метров, седьмая дверь справа.

Автоматика не работала, поэтому сдвижные двери пришлось открывать вручную, благо усилители мускулатуры боевых скафандров легко справлялись с подобными преградами.

– Термальный всплеск!

– В сторону! Блокировать коридор!

Шелест благодаря имплантам различил не только тепловую аномалию – он уловил встречное излучение кибермодулей.

Мнемоник.

Войдя в помещение, он включил фонарь гермошлема и сразу же увидел ее – безвольно оползшую в кресле, бледную, но *живую*.

Черты лица молодой женщины врезались в память Рауля до мельчайших подробностей, но сейчас он не думал об этом, присев подле кресла, капитан в первую очередь попытался установить прямую связь с ее рассудком.

Рискованный, но оправданный в данной ситуации шаг.

Перед ним находился мнемоник, разум которого подвергся виртуальной атаке, в этом Рауль не сомневался ни секунды. Он слишком хорошо знал эти слабые, едва ощутимые эманации угасающего подсознания...

Усилием воли подавив пытающиеся вырваться воспоминания о погибших боевых товарищах, чью агонию он воспринимал приблизительно тем же образом, Шелест собрал все моральные силы, передавая в рассудок женщины единственную команду: *Жить*.

Чуда не произошло, да и не могло произойти – она по-прежнему оставалась в состоянии глубокого беспамятства, но ее разум, уже вошедший в состояние комы, начал медленно, но неуклонно повышать активность биоритмов, – Рауль стимулировал ее нервные ткани, передавая через импланты один и тот же импульс возбуждения, сконцентрированный в простой по звучанию, но глубокой, всеобъемлющей для травмированного рассудка мнемонической команды – жи ть.

Из личного опыта он знал, что при своевременном вмешательстве у мнемоника есть шанс выкарабкаться. Один из ста, но есть.

Прошло не меньше пяти минут, прежде чем ее импланты начали реагировать, посылая в разум капитана Шелеста отдельные импульсы, не несущие конкретной информации, а лишь свидетельствующие о том, что на какое-то время коллапс сознания приостановлен.

...Он с трудом открыл отяжелевшие веки.

Голова кружилась от перенапряжения.

– Грабцов, сажай модуль на площадь перед главным офисом, – выдохнул Шелест в коммуникатор, не узнавая собственного голоса. – Подготовь к старту автоматическую спасательную капсулу с программой прыжка в систему Аллора.

– Буду через две минуты.

Рауль, пошатнувшись, встал с колен, еще раз взглянул в бледное лицо незнакомой женщины и подумал, что в данной ситуации он сделал все, что мог. Даже чуть больше, чем позволяли ему инструкции и уставы.

– Сэр, обнаружен еще один мнемоник.

– Где?

– В медицинском модуле.

– Состояние?

– Уже не реагирует на прямую стимуляцию мозга.

* * *

На площадь перед пустующим офисом, ломая опорами не предназначенный для подобных нагрузок стеклобетон, сажался десантно-штурмовой модуль.

Рауль сам вынес бесчувственное тело женщины на крыльцо и быстро, не останавливаясь, направился к открывающейся рампе. Время сейчас играло решающую роль. Чем быстрее она окажется в центральной клинике Аллора, тем больше шансов, что сознание и память в конечном итоге вернутся... По крайней мере Рауль надеялся на это.

– Спасательная капсула готова?

– Да.

– Запускай предстартовую процедуру. – Шелест ступил на влажный от дождя рифленый металл рампы.

– Капитан, мы не превышаем наши полномочия? Все-таки речь идет не о простом сотруднике корпорации...

– Я сказал – запускай автоматику! – раздраженно ответил Рауль. – Мы спасаем человека.

– Не психуй, все уже сделано. Я предварительно связался с Аллором. В точку подбора обещали выслать корабль. Кстати, – лейтенант Грабцов наклонился, помогая капитану уложить женщину в индивидуальную спасательную капсулу, оснащенную не только системой жизнеобеспечения, но и собственным гиперприводом, заряженным на один прыжок, – я проверил базы данных станции ГЧ. Последнее возмущение метрики пространства зафиксировано два месяца назад. Это был плановый рейс транспортного корабля корпорации «Спейсстоун».

Вот тебе и вторжение... – подумал Рауль, ожидавший получить прямо противоположную информацию.

И тут же, не то опровергая, не то усиливая его сомнения, пришел доклад от лейтенанта Земцова:

– Командир, мы установили, что взрыв эмиттеров спровоцирован резким броском напряжения. Скорее всего, не они явились источником электромагнитного удара, а наоборот... И еще, в трехстах метрах от взорванных установок, если следовать вдоль бетонного желоба, обнаружены фрагменты универсальных кибермеханизмов со следами лазерных ожогов.

– Что-то еще? – интуитивно предположил Рауль, почувствовав натянутые интонации в голосе лейтенанта.

– Не возьмусь судить, командир, но тут странное разрыхление почвы... Очень похоже на подкоп, сделанный под нижней кромкой суспензорной защиты, но точно утверждать без специальной аппаратуры нельзя. Сканеры моего скафандра фиксируют разницу в плотности грунта, не более.

– Хорошо, освободится Грабцов, он тебе поможет. Прочешем всю прилегающую площадь сканерами модуля. Пока зафиксируй местоположение обломков.

– Принято.

Несколькими минутами позже из стартовой шахты ДШМ вырвалось ослепительное пламя.

В хмурых небесах Треула раскаленным росчерком сверкнула звезда.

Только в отличие от других она не падала, а взмывала вверх, навстречу мириадам своих собратьев.

Капитан Шелест, проследив за стартом, обернулся к Грабцову:

– Передислоцируйся к периметру. Отсканируй там каждый квадратный метр указанной площади. Я пошел налаживать связь с руководством корпорации.

– Погоди, капитан. А почему мы отправили одну капсулу? Я слышал, в здании обнаружили еще одного выжившего?

– Этот человек умер, – коротко ответил Рауль. – Если точнее, превратился в растение, – после небольшой паузы добавил он.

Глава 3

Аллор. Две недели спустя после событий на Треуле

В помещении, где очнулась Даша, было светло и тихо.

Она лежала на широкой кровати, вплотную придвинутой к панорамному окну, за которым, если смотреть, не отрывая головы от подушки, простирались лазурные небеса с редкими полосами перистых облаков.

Это не Треул... – пришла первая мысль.

Смотреть за окно было приятно и больно. Глаза резал пронзительный свет, исходящий небесной лазурью.

Выжила...

Сколько эмоций, мыслей, воспоминаний может концентрировать в себе одно-единственное слово...

Некоторое время Даша лежала, наслаждаясь ощущением внутреннего покоя, какой-то детской безмятежности, словно ей довелось родиться вновь.

Возможно, так оно и было?

Между прошлым и настоящим витала плотная туманная пелена. Роковые события в колонии Треула вспоминались как что-то далекое, нереальное, произошедшее не с ней, а с другим человеком.

Впрочем, состояние умиротворенности длилось недолго, раздался тихий шелест автоматически открывшихся дверей, и в больничную палату вошел незнакомый мужчина, приблизительно лет сорока на вид. Он сразу не понравился Даше. Взгляд посетителя равнодушно скользнул по ее осунувшемуся лицу, водянистые глаза рефлекторно сощурились, поймав свет полуденных небес.

– Опустить жалюзи и подготовить пациента, – хозяйским тоном распорядился он, обращаясь к сопровождавшему его андроиду.

Даша была так слаба, что не могла сопротивляться, даже если бы очень захотела.

– Ну, мисс Лоури, как вы себя чувствуете?

Не дождавшись ответа, он сел в кресло у маленького прикроватного столика, небрежно отодвинул на край пластиковую вазу с экзотическими цветами и разместил там переносной компьютер, выполненный в виде тонкого складывающегося планшета.

Даша молча ждала продолжения, разглядывая оказавшуюся на уровне ее глаз зальсину. Свет потолочных панелей, которые автоматически включились, как только андроид опустил жалюзи, застыл на коже незнакомца причудливым бликом.

В изголовье кровати сдавленно пискнул звуковой сигнал на блоке медицинской аппаратуры. Она ощутила, как в кожу чуть ниже затылка впился инъектор, и туманная дымка, застилавшая часть сознания, вдруг начала стремительно таять.

– Давайте знакомиться, мисс Лоури. – Он закончил свои деловитые приготовления и посмотрел на Дашу. – Я Дик Пекман, отдел внутренних расследований корпоративной службы безопасности.

Она уже догадалась, что перед ней кто-то из чиновников «Спейсстоуна», и лишь слабо кивнула в ответ, с трудом задав встречный вопрос:

– Где я?..

– Мы находимся на Аллоре. Месяц назад вас доставили в центральную клиническую больницу. К сожалению, на посланный вами сигнал бедствия первыми отреагировали не мы... Впрочем, это сейчас неважно. Врачи клиники действовали согласно общим правилам – в первую очередь они удалили кибернетические модули из ваших имплантов.

Вот почему я ощущала такой всеобъемлющий покой... – догадалась Даша. Она уже не помнила, когда в последний раз расставалась с кибернетическими модулями.

Значит, отдел внутренних расследований? – горько подумала она, но тут же укорила себя в бесконтрольности эмоций. – *Нужно бороться с силами. Раз меня пришли не награждать, а допрашивать, значит, дела плохи.*

Впрочем, не все ли равно?

Пробудившиеся ощущения жизни казались ярче, важнее, чем бюрократическая волокита, связанная с официальной оценкой ее действий на Треуле.

– Скажите, Эдвард Жевье... Он выжил?

– В физическом смысле – да, – ответил Пекман, включая аудиозапись. – Но его мнемоническое состояние остается стабильно тяжелым. Полная потеря памяти. Однако не будем забегать вперед, – мягко произнес он. – Давайте условимся, вопросы задаю я, а вы как можно подробнее отвечаете на них.

– Почему меня допрашивают? – Голос Даши немного окреп, очевидно, сказывалось действие введенного ей препарата.

– Я же сказал, – невольно поморщился Пекман. – Вопросы буду задавать я.

– Хорошо, задавайте. – Даша откинула голову на подушку, глядя в потолок.

Такой оборот событий подействовал на нее гнетущим образом. Нет, она понимала, что события на Треуле не могут остаться без внимания, но столь откровенная форма вопроса... Она отдала все силы, едва не лишившись рассудка, защищая собственность корпорации, а они смеют в чем-то подозревать ее?!

– Не волнуйтесь, мисс Лоури, пока что мне необходимо услышать от вас полное, подробное изложение событий. Выводы о целесообразности и правомочности ваших действий будут сформулированы позже.

– Что я должна рассказывать?

– Все. Начиная с того момента, как вы сменились с дежурства.

– Посмотрите записи автоматических регистраторов.

– Не надо капризничать, мисс Лоури. Этим вы лишь усугубите свое положение. Позвольте напомнить, что все оперативные базы данных кибернетической системы колонии стерты. Ввиду явной недееспособности Эдварда Жевье отдать приказ на уничтожение информации могли только вы, верно?

– Да. Я отдала такой приказ.

– С чем была связана необходимость подобного шага?

Даша повернула голову, внимательно посмотрев в водянистые глаза представителя корпорации.

– Вы действительно ничего не знаете? Вы не приняли сигнал бедствия? Не были осведомлены о вторжении неклассифицированных кибернетических форм?

– Сигнал бедствия действительно имел место. Относительно остальных утверждений у нас имеется определенная доля сомнений. Компьютерная сеть колонии на момент высадки спасательных групп была выведена из строя на девяносто пять процентов, то есть работали лишь автономные системы реактора. Вы единственный участник событий, который на сегодняшний день в состоянии отчитаться перед руководством корпорации.

На некоторое время в больничной палате повисла глубокая тишина.

Даша с трудом могла осмыслить прозвучавшее обвинение, и в то же время ее сознание помимо воли все глубже погружалось в травматические воспоминания – по-видимому, введенный ей препарат обладал не только общестимулирующим действием, но и влиял на психику, подавляя волю к осознанному сопротивлению.

– Хорошо, господин Пекман, – наконец слабым голосом произнесла она. – Я, естественно, расскажу все как было. Это ведь в моих интересах, верно?

– Наконец-то я слышу здоровое заявление, – удовлетворенно ответил следователь. – Аппаратура готова к записи. Начинайте, мисс Лоури.

Она рассказала все. Даже немногим больше, если учитывать не интересующие отдел внутренних расследований эмоциональные оценки событий.

Пекман выслушал Дашу, не перебивая вопросами, не проявляя ни участия, ни каких-либо иных эмоций. Он был сдержан и вежлив, как тщательно запрограммированный андроид.

– Отлично, мисс Лоури, – произнес он, когда Даша, вконец обессиленная вынужденным возвращением к страшным событиям на Треуле, замолчала, безучастно глядя в потолок. – Отдыхайте. Сейчас вам введут успокоительное. Я загляну через пару дней, когда мы сопоставим факты и придем к определенным выводам.

Она промолчала. Сил на ответ уже не осталось. Лишь где-то на доннышке души притаилась если не уверенность, то надежда, что она поступила правильно. И тогда и сейчас. В конце концов ее изложение событий поставит все на свои места и больше не возникнет такой неприятной, отталкивающей ситуации, как сегодня.

Пекман действительно появился спустя двое суток, хотя из-за постоянного воздействия вводимых в кровь препаратов Даша периодически впадала в забытие, полностью теряя ощущение времени.

Конечно, как опытный мнемоник, она могла призвать внутренний резерв организма, нейтрализовать действие подавляющих психику химических соединений, но был ли смысл в таком противодействии? Она нуждалась в отдыхе и не сопротивлялась своему состоянию, подсознательно понимая, что гораздо хуже будет лежать, мучительно переживая состоявшийся допрос, и ждать, когда снова откроется неприметная на фоне стены белоснежная дверь...

На этот раз в палату вошли двое.

Дика Пекмана сопровождал уже немолодой, пронырливый человек, лицо которого Даша запомнила еще с той поры, когда обучалась в школе мнемоников.

Профессор Сергачев. Без сомнения, это был он.

Подойдя к изголовью кровати, на самом деле представляющей собой сложный терапевтический комплекс, он взглянул на показания находящихся вне поля зрения Даши датчиков и произнес:

– Она спит.

– Вы уверены, профессор?

– Да.

– Выходит, способности мнемоников воздействовать на кибернетические системы даже без посредничества кибермодулей – это сказка?

– Скорее страшилка для недоумков, – неожиданно огрызнулся Сергачев. Он обладал болезненным самомнением и ненавидел, когда кто-то ставил под сомнение его выводы. – Такие способности могут развиться у мнемоника с десятилетним стажем, когда изменения коснутся непосредственно тех участков коры головного мозга, с которыми контактируют импланты. Она неспособна сейчас шевельнуть пальцем, не то чтобы воздействовать на киберсистемы. Так что не лезьте не в свою специфику...

– А вы не зарывайтесь, Павел Евгеньевич, – так же внезапно окрысился Пекман. – Вы не у себя в клинике, а я не имплантированный вами монстр. – Он немного помедлил и добавил: – К тому же мы оба находимся в абсолютной заднице.

– Это почему?

– Вы готовили данного мнемоника, а я до последнего времени отвечал за общую безопасность колонии Треула. Так что нам обоим придется несладко, когда расследованию будет дан ход.

– Не понимаю, в чем меня могут обвинить?

– В том, что вы аттестовали мнемоника, у которого явные отклонения в психике. К сожалению, не подтвердился ни один факт из ее рассказа. При тщательном обследовании территории нам не удалось обнаружить следы вторжения чужеродных кибермеханизмов. Найдены лишь обломки универсальных строительных роботов, которые были попросту расчленены на фрагменты при помощи лазерных установок. Оперативная память машин стерта, не сохранилось ни одного документального свидетельства событий. Но самое главное: датчики станции ГЧ не зафиксировали возмущений гиперпространства. Ни один корабль не совершал всплытия в пределах системы Треула. Значит, не было и мифических механизмов, если только они не материализовались непосредственно на поверхности планеты.

Пекман покосился на притихшего профессора и продолжил:

– Очень удачно, что вы оказались на Аллоре, профессор. И я оторвал вас от участия в конференции не ради прихоти. Ситуация на самом деле очень сложная. Мы имеем лоботомированного Эдварда Жевье и мисс Лоури, которая своими действиями повредила оборудование стоимостью в несколько миллионов кредитов. Я уже не говорю об убытках, которые потерпела корпорация из-за полной остановки всех производств. Отсюда напрашивается закономерный вывод: Лоури просто свихнулась, не выдержала нервного напряжения изматывающих дежурств. Возможно, между ней и Жевье что-то произошло, и она *убила* своего напарника, после чего, не в силах обуздать нервный срыв, уничтожила оперативную информацию со следящей и записывающей аппаратуры колонии.

Профессор Сергачев сел в кресло, снизу вверх посмотрев на Пекмана.

– Интересная теория. Возможно, я не смогу ее опровергнуть. Такого разгрома на моей памяти не устраивал ни один мнемоник. Но вы сказали, что мы оба «в заднице»?

– К сожалению. Кроме всего прочего, аппаратура колонии подверглась двум мощнейшим электромагнитным ударам. Этот факт установлен и никак не вписывается в теорию свихнувшегося мнемоника. Среди оборудования Треула нет достаточно мощных генераторов, способных нанести подобные удары. Это может склонить мнение следствия в пользу показаний мисс Лоури, несмотря на указанные мной противоречия с данностью. Возможно, что она не лжет, – в таком случае диверсионная группа внедрилась на планету за несколько месяцев до роковых событий. Станция ГЧ хранит данные по аномальным возмущениям метрики ровно шестьдесят стандартных суток, после чего информация обновляется. Если следствие склонится к этому варианту, то козлом отпущения окажусь я.

– Прекрасно. Я буду свидетельствовать в пользу своей воспитанницы, и вас отправят куда-нибудь подальше, рабским трудом компенсировать убытки, нанесенные корпорации.

– Не выйдет. Если на Треуле нет генераторов, способных выкачать мощность, эквивалентную нанесенным ударам, то взрыв некоторых агрегатов вполне мог привести к возникновению желаемого эффекта. В логику подобного утверждения очень удачно вписываются два *взорвавшихся* эмиттера защитного поля. Не сомневайтесь, я запасусь необходимыми техническими экспертизами, указывающими, что источником неисправности являлось воздействие мнемоника. Тогда на первый план вновь выйдет версия о неменяемости вашей воспитанницы.

– Значит, мы враги? Зачем тогда вы завели эту беседу, тем более в больничной палате неподконтрольного корпорации учреждения?

– Все просто. Нам необязательно быть врагами. Меня не интересует судьба мисс Лоури, но очень беспокоит собственная. Вам, я думаю, также безразлична карьера и все связанные с ее успешностью блага. Внутреннее расследование, кто бы ни вышел из него победителем, навредит нам обоим. Завтра на Аллор прибывает спецрейс, которым мне приказано доставить ее, – Пекман небрежно кивнул в сторону Даши, – в клинику корпорации. Там мы уже не сможем беседовать тет-а-тет. Но пока она находится здесь, на Аллоре, случиться может всякое. До прибытия корабля у нас есть еще сутки. Допустим, мисс Лоури скончается. Тогда мы вполне

сможем объединить наши позиции и доказать, что на Треуле произошла техногенная катастрофа... например, взрыв эмиттера суспензорного поля, который привел к глобальному электромагнитному удару. Рассудок Жевье, пребывающий в киберпространстве, естественно, не смог выдержать запредельной нагрузки. Когда его место заняла Лоури, взорвался второй эмиттер, не уничтоживший ее разум, но травмировавший его до степени неуправляемых рассудком реакций. Понимаете мою мысль? Она свихнулась, сошла с ума вследствие аварии силовой установки. А что может натворить безумный мнемоник, известно из практики. Таким образом, мы можем избежать полноценного расследования, ограничившись показаниями на слушаньях в специальной комиссии.

– Вы предлагаете убить ее?

– Называйте это как хотите, профессор. Я обрисовал ситуацию и перспективы ее развития. Решение за вами. В конечном итоге то, что она выжила, граничит с чудом. Никто не знает, что в действительности произошло на Треуле. Ее рассказ звучит как ложь, но кроме нас двоих существуют и иные сотрудники корпорации. У каждого свои амбиции, и не факт, что в предстоящем расследовании не примут деятельного участия мои или ваши недоброжелатели. Нам обоим грозят равные неприятности, которые неизбежно перерастут в настоящие проблемы. Решить их можно здесь и сейчас, другого шанса, думаю, уже не представится. Так что решайтесь. У нас не так много времени на раскачку и моральные терзания.

* * *

В первый момент ее душа сжалась, ухнула куда-то в бездонную пропасть, обыкновенный человеческий страх сжал горло, перехватывая дыхание. Она лежала и слушала, как два человека решают ее судьбу, вернее, не решают, а уже *решили*, вознамерившись убить...

ЗА ЧТО?!

Во избежание неприятностей по работе, ради карьеры, сытого благополучия...

За ответами не нужно далеко ходить: вот они – слова – стучатся в разум, ломятся в виски, но тело даже не вздрагивает от поселившегося в душе ужаса...

Она окаменела.

Я же рисковала жизнью, погибала ради вас на треклятом Треуле...

Нет, этим двоим было все равно. Для одного она – имплантированный монстр, для другого – плод удачного нейрохирургического эксперимента, очередной шажок к олимпу научной славы и личного благополучия.

Даша вдруг поняла: у нее нет ни единого шанса. Мнемоник с пустыми имплантами оказывается даже более уязвимым и беззащитным, чем обыкновенный, никогда не обладавший никакими специфическими способностями человек. В эти роковые минуты у нее отнимали право жить, дышать, и не было возможности оказать сопротивление, максимум, чего она смогла добиться, – это, вопреки медикаментозному воздействию, оставаться в полусознании, выслушивая, как два подонка торгуются друг с другом, разменивая ее жизнь...

– Хорошо, вы убедили меня. – Голос профессора звучал глухо, надтреснуто, но он уже сделал свой выбор, поддавшись угрозам Дика Пекмана. – Каким образом мы будем действовать?

– Данный вопрос в вашей компетенции. Я сумел договориться, чтобы наше посещение осталось тайной для других сотрудников клиники. Это стоило немалых денег. Могу уверить – в ближайшие три-четыре часа никто не войдет в палату мисс Лоури.

– Вы предлагаете мне...

– Да, Фрайг вас побери! Я предлагаю вам прекратить трястись, собраться с духом и применить на практике свои познания в кибернетике и медицине. Вот комплекс жизнеобеспечения, что вам еще нужно?

– Да, да... я понял, только не надо на меня орать!

Шаги.

Убийца приблизился к изголовью. Она не смогла даже пошевелиться, силы организма были на исходе, сознание то меркло, то возвращалось вновь...

– Думаю, одного часа будет достаточно. Комбинация этих препаратов смертельна для нервных тканей.

– Следы, профессор?

– Их не будет. Компоненты не являются ядом. Они легко усваиваются организмом. Мало кто знает смертельную пропорцию их сочетания.

– Результат гарантирован?

– Да. Этим способом после введения снотворного устраняют несостоявшихся мнемоников. К сожалению, не все имплантации бывают успешны.

– Даже так? – криво усмехнулся Пекман.

Сергачев осекся, понимая, что сболтнул лишнее.

Впрочем, что уж теперь.

– Закончили?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.